DOI: 10.31860/978-5-918680-384-224-268

БЫТОВАЯ ХРОНИКА «ПУШКИНСКОГО УГОЛКА» И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ (по материалам дневника В. В. Тимофеевой (Починковской) 1918—1921 гг.)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Кощиенко)

Аннотация: В статье представлена бытовая хроника Пушкиногорья в период становления советской власти, осложненный политической ситуацией, близостью фронта и оккупационным режимом в Псковской губернии. Хроника составлена на основе неопубликованного дневника писательницы В. В. Тимофеевой (псевд. Починковская) за 1918—1921 гг. Данный событийный свод позволяет не только обнажить основные проблемы переломного времени, проследить смену противоречивых настроений местного населения, но и точечно осветить трудности возникновения Пушкинского заповедника.

Такая выжимка фактов, историй, явлений, лиц из документально-мемуарного документа эпохи позволяет непосредственно представить динамику исторического процесса в конкретной местности — значимом национальном топосе.

Ключевые слова: Михайловское, Пушкинские Горы, В. В. Тимофеева, дневник, советская повседневность, хроника, революция, бытописание, провинция.

Abstract: The article presents a household chronicle of Pushkinogorye in the period of formation of Soviet power, complicated by the political situation, the proximity of the front and the occupation regime in the Pskov province. The chronicle is based on the unpublished diary of the writer V. V. Timofeyeva (pseudonym — Pochinkovskaya) for 1918—1921. This event code allows not only to expose the main problems of the tipping time, to trace the change of contradictory moods of the local population, but also to highlight the difficulties of the Pushkin reserve.

Such a squeeze of facts, stories, phenomena, persons from the documentary-memoir document of the era allows us to directly represent the dynamics of the historical process in a particular area — a significant national topos.

Keywords: Mikhailovskoye, Pushkinskiye Gory, Varvara Timofeyeva, diary, Soviet everyday life, chronicle, revolution, description of the daily life, province.

(Окончание. Начало см.: Бытовая хроника «Пушкинского уголка» и его окрестностей (по материалам дневника В. В. Тимофеевой (Починковской) 1918—1921 гг.) / вступ. статья, подгот. текста и коммент. И. В. Кощиенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022. С. 252—269.)

 © Кощиенко И. В., 2023

ТОМ 3

19 января 1919 г. «Пограничная стража стреляла в красноармейцев. “Призванные” красноармейцы, спрятав патроны в карманы, выходили с холостыми ружьями и *сдавались*.[1] Они же стреляли потом и в Красную армию. <...> Вильно и пограничные местечки, занятые союзниками, разбили Красную армию.[2] Сдавшихся привезут в Святые Горы — для суда над ними».

Местные жители не хотят вступать в коммуны, но на собраниях «безмолствуют» или «орут другое».

Слухи об аресте Ленина и его нахождении в г. Остров. «В Опочке бабий митинг разогнал совет. Троих выгнали. Хотели арестовать ораторшу (одна другой лучше говорила), но все бабы “вокруг нее *гробом* стали”: “Всех нас арестуйте, а ее не дадим!” В Вороните крестьяне дают попам на крестинах вместо обычных платков “господские салфетки” (из награбленных по имениям)».

21 января. Учителя комплектуют библиотеку в Вечах на собранные от спектаклей деньги, «и вот чего накупили: сочинения Герцена (хорошо!), Егера <так!>, Кропоткина, Ключевского (хорошо!), но ни Карлейля, ни Владимира Соловьева (“не понимают”)».[3]

28 января. В Земельном комитете, где Тимофеева писала заявление о выдаче дров, она стала свидетелем получения телефонограммы «из Псковского Центрального исполкома о прекращении рубки лесов и охранении памятников старины и искусств в Михайловском и Тригорском. “Надумались! — заметил тут же вслух председатель Васильев. — Когда там все уже вырублено и в сады рубить деревья пошли!”».

Описание быта одной из коммун в Святых Горах.

---

[1] К весне 1919 г. на северо-западе России сложилась неблагоприятная ситуация для большевистской власти. К этому моменту, после перехода эстонской и латвийской армий в контрнаступление, Красной армии пришлось оставить захваченные в ходе осенних и зимних боев территории Эстонии и Латвии.

[2] Речь идет о Советско-литовском вооруженном конфликте, когда РСФСР вступила в бои с Литвой и оккупировавшими ее немцами в 1918—1919 гг. К концу 1918 г. Красная армия заняла значительную часть Литвы, где установилась власть советов. Бои за город Вильно начались 4 янв. 1919 г., когда части Псковской дивизии и 5-го Виленского полка встретились с польскими отрядами Самообороны под командованием генерала Владислава Вейтки. После двухдневных боев Красная армия взяла Вильно. Наступление в Литве остановилось, лишь когда латышские и немецкие войска напали на красноармейские отряды у реки Вента. Советское командование было вынуждено 19 февр. 1919 г. образовать объединенный Западный фронт, поскольку с подходом польских частей к реке Неман на территории Литвы и Белоруссии началась уже Советско-польская война.

[3] В цитате, в частности, упоминаются: немецкий историк и педагог *Йегер Оскар* (1830—1910), революционер-анархист, географ *Кропоткин Петр Алексеевич* (1842—1921), историк *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911), британский писатель, публицист и историк *Карлейль Томас* (1795—1881).

«Под Псковом бои и разгромы. Всех расстрелянных раздевали донага и, не закапывая, сваливали грудой. Снег засыпал трупы, а ноги торчат, и милиционеры не позволяют ходить смотреть на них. Духново сожжено и разграблено.[4] Софью Борисовну <Вревскую> увезли в Вильно».

3 февраля. Новость (телеграмма со станции Тригорского):[5] «Псков взят союзниками». Общее мнение среди крестьян: «Поскорее бы опять старые порядки вернулись».

Учителя жалуются на отсутствие новых учебников, а старые — «возмутительные».

8 февраля. Описание д. Железово и ее крепких хозяйств, куда Тимофеева ходила за помощью в доставке выделенных ей дров.

11 февраля (29 января — по ст. ст.). Тимофеева побывала на могиле А. С. Пушкина.

12 февраля. Выяснение отношений (скандал) между псаломщиком Григорием Муравейским[6] и о. Александром по поводу репутации первого.

16 февраля. «Под Псковом, говорят, бои. И оттуда бегут рабочие на мосту через Черёху (станция под Псковом)».[7]

19 февраля. «Бои под Псковом подтверждаются, но хорошего мало ждать надо от этих боев финнов, шведов и немцев... Ведь это сулит не только поражение большевизма или социализма (не по шерсти здешнему большинству), но и остатков дотла разоренной России...»

27 февраля. «Масленица у нас идет без блинов. <...> За деньги ничего не купить: цены нам недоступные».

4 марта. Годовщина сожжения Михайловского. «Опять собираются отбирать хлеб и скот для раздачи его (якобы) *неимущим*. Но неимущие остаются по-прежнему без скота и без хлеба, а “имущие” беднеют, ропщут и собираются “разгонять” замучившие их советы и комитеты. И никаких подвозов из “завоеванных” губерний для народа не объявляется».

***5* марта**. Газеты молчат. Церковный сторож: «Собирают новый набор, молодых и старых, которые не были еще в обучении, воевать

---

[4] Этому событию газета «Псковский набат» посвятила заметку «Неразумные поступки» (1919. 13 февр. № 60. С. 2), сожалея, что разрушенный дом, «разодранная» библиотека, поломанная мебель могли еще послужить народу.

[5] Железнодорожная станция «Тригорская» начала работу в 1916 г. Находилась она на 102-м километре Псковско-Полоцкой магистрали. Станция (д. Мехово) не сохранилась.

[6] *Муравейский Григорий Феодорович* (1877 — после 1922) — псаломщик, сын дьякона, обучался в Псковской духовной семинарии. Назначен псаломщиком в Воскресенскую церковь прихода Вороничи 10 нояб. 1910 г.

[7] Одноименное название станции и реки. Станция Черёха открыта в 1910 г., действует и сегодня. 7-й километр от Пскова, 281-й километр Варшавской дороги. Железнодорожный мост через р. Череха бывшей железной дороги Псков — Полоцк разрушен.

брат на брата. Только ничего из этого не выйдет. Не пойдут. Под Новоржевом три волости отказались. Пошли с пулеметами разбивать советы и комитеты. В Новоржеве теперь всех разогнали. Грабят и жгут. Идут волость за волостью — хотят, чтобы дружным скопом, не в одиночку действовать. И которые дер*евня* не согласны, тех зажигают с обоих концов. Идут прямо к союзникам — просить, чтобы пришли к нам сюда и навели свои порядки как следует. <...> Теперь уж сами русские обзывают дурачьем друг дружку за то, что села пожгли. <...> Сегодня, вчера и третьего дня годовщина сожжения».

8 марта. «В Новоржеве все тюрьмы полны восставшими мужиками. Все они отрекаются от восстания и сваливают вину друг на друга. <...> В Святые Горы пришла рота (с офицерами и пулеметами) для обучения призванных от 17 до 45 лет и для поимки дезертиров. В народе — ропот и глухое недовольство». Отказы вступать в коммуну.

10 марта. Рассказ очевидца об убийстве в Острове священника Ладинского.[8]

19 марта. Солдат, вернувшийся из плена, говорит, что дома хуже, чем в плену. Известие из Петрограда: умерла Клара Федоровна Княжевич («не иначе как от голода»), уже похоронили.[9] Описание быта Шелгуновых, Красуских, Княжевич в Петрограде (голодают).

20 марта. 13-й призыв в армию. Ночное движение поездов.

22 марта. В Михайловском, во флигеле колонии, живет коммуна из пяти семей.

24 марта. В Святых Горах чайная с названием «Коммуна» закрылась из-за недостатка мучных или паточных конфет и сахарного песку.

25 марта. «Атамана разбойного *ихняго* вчера в Святых Горах *хоронили.* Семен Тихонов звать его». Рассказ соседского мальчика о его смерти. «Россказни про Семена Тихонова — чистый вздор: не похоронен он в Святых Горах, так как все дело происходило в *Выборе*[10] (верст 35 за Крикшиным).[11] Может быть, и не выживет, но еще жив...» Еще одна история о поимке бывшего большевика: «теперь дознано, что все села сожжены и разграблены по приказу этого самого *каторжника*».

---

[8] *Ладинский Владимир Николаевич* (1862—1919) — сын священника Н. С. Ладинского, протоиерей, настоятель Свято-Троицкого собора г. Острова. Расстрелян за предание анафеме власти большевиков. Прославлен с Соборе святых новомучеников и исповедников Российских Русской Православной Церковью за рубежом.

Запись Тимофеевой уточняет дату гибели священника, ранее не установленную.

[9] До настоящего момента информации о дате смерти К. Ф. Княжевич (урожд. Компанион) не было, в генеалогических справочниках указывался только год рождения — 1834.

[10] Выбор — древняя крепость (псковский пригород) и одноименная деревня рядом с сохранившимся городищем в Выборской волости Новоржевского уезда.

[11] Крекшино — деревня на юге центральной части Порховского уезда.

1 апреля. «Вчера, говорят, на станцию (в Мехово) пришел вагон с мукой *для евреев*. Вагон тот был арестован “вероятно, комитетом (?) и, вероятно, в свою пользу”(?). Слухи о поездах с хлебом ничем не оправдываются. Для железнодорожников приходит “лавочка”, откуда им *крохами* <выдают. — *И. К.*> кое-какую провизию. В потребительской выдают самого последнего сорта вату по 10 руб. за фунт и дороже. А ни соли, ни сахару, ни муки для *нашей* пасхи нет».

«Немцы будто бы уже в Пыталове (первая станция за Опочкой), и их каждую минуту ждут в Острове и во Пскове».

3 апреля. Опровержение последних слухов о немцах. «Колчак движется из Сибири с монархической программой». Новости о С. Тихонове: выжил.

18 апреля. Страстная пятница. Псаломщик Гр. Муравейский уже прилюдно, в храме, продолжает обострять отношения с о. Александром.

20 апреля. Пасха. «Служили *галопом*...»

25 апреля. В ответ на угрозу наступления Колчака солдаты отвечают, что не все согласны воевать против него.

30 апреля. В Тригорском парке. «Все нити жизни спутаны или порваны, убита всякая связь с *этим* Прошлым. Не вспоминается уж и Пушкин. <...> на каждом шагу следы бессмысленно грубого разрушения: обрубленные вишни, выломанные с корнем дубы, изломанные в щепы скамейки... Вот в этом вся наша *прогрессивная эволюция*!»

25 мая. День в Михайловском: экскурсия для учителей и детей из близлежащих школ. Предложенные Тимофеевой «литературные собрания» встретили полное одобрение учителей: «в будущее воскресение уже проектировано собрание “Кружка” в Тригорском парке, в 10 утра. Будем читать Иванова-Разумника».

27 мая. Солдаты, показывавшие воззвание «латышей» (белогвардейцев): «Мы не бьемся теперь. Берем оружие и, как подойдем близко, бросаем и отступаем или переходим и сами туда».

2 июня. После взятия Пскова:[12] поезда ходят только до станции Сошихино, Опочка на военном положении, где «свои бьют своих, зеленые красных, белые зеленых... И совсем ничего не поймешь... Но мосты еще целы, и подвозят рожь, и войска посылают... Послали вчера полтораста человек, вернулось только двадцать. Разбежались в пути. А когда узнали, что те остались у белых — и эти остальные туда же ушли. Собираются бандами, нападают на поезда, отбирают оружие и бегут...»

«Нам все равно теперь, кто ни приди, — говорят здешние исполкомцы, — только бы кормили».

8 июня. Одна на могиле Пушкина под проливным дождем.

---

[12] 25 мая 1919 г. Псков вновь заняли белоэстонцы и белые отряды атамана С. Н. Булак-Балаховича.

9 июня. Поезда снова ходят до Пскова. «Сочиняют, кто во что горазд, что ни взбредет в праздную темную голову: и Остров берут, и Крюки опять берут, и Псков назад отобрали... И карательный отряд в Опочке расстреливает беспощадно коммунистов, большевиков, дезертиров. <...> И солдат мимо шел, сообщал: “Под Островом страшный бой идет, еле убег”».

18 июня. В газете «Известия» от 13 июня Тимофеева прочитала о смерти Розы Люксембург. Воспоминания о ее возможном знакомстве с Розой Люксембург в Петербурге.[13]

26 июня. Обыск у о. Александра.

«Из пушек стреляют по дезертирам, из ружей — по рыбе. Мосты будут рушить, когда пойдут сюда наступлением. В Святых Горах была назначена сходка для решения важных вопросов: будут переписывать всех “кто за кого”. <...> Крестьяне зажиточные хотят объявить себя *беспартийными*. “Мы всякому правительству покорствовать будем, кто ни приди, *только оставь нас в покое”*. <...> “Карпушку” на голову разбили красные: не устояли, отошли». (Под “Карпушкой” разумеются все эти сборные, разных цветов и названий *враги*)».

27 июня. «Ходят теперь и жгут, и расстреливают. Войдут в избу, увидят, что получше, оберут, подожгут и расстреляют...»

«Псков взят изменой семеновцев.[14] <...> Советская власть идет уже на большие уступки. Сама советская власть начинает сознавать неудобство чрезмерной децентрализации и предлагает помещикам возвращаться в свои усадьбы для ведения образцового хозяйства... на коммунальных началах. Новые помещики опять будут...»

Все мосты заминированы, «даже мостик Кокоринский, что у мельницы, через который ходят в Святые Горы...»

2 июля. Сведения о Прасковье Петровне Зубовой, бывшей хозяйке имения Голубово,[15] расположенного в 20 верстах от Михайловского.

---

[13] *Роза Люксембург п*осле четырехмесячного пребывания в варшавской тюрьме нелегально прибыла в Петербург 19 июля 1906 г., поселилась в Куоккала (под Петербургом) и пробыла там до начала сентября. Оттуда она часто ездила в столицу, где встречалась с русскими социал-демократами. Возможно, именно в этот приезд, Тимофеева могла с ней случайно познакомиться.

[14] 3-й Петроградский стрелковый полк, бывший полк внутренней охраны Петрограда (Семеновский), в количестве около 600 штыков, вместе со своим оркестром и двумя орудиями перешел на сторону белых 29 мая 1919 г. (*Богомазов Н. И.* Полк внутренней охраны Петрограда в 1918—1919 гг.: особенности формирования и переход на сторону белых // Вестник СПбГУ. 2011. Вып. 2. С. 81—83). Псков к этому времени уже был взят эстонскими войсками и затем, в середине мая, передан белогвардейцам. Поэтому к взятию Пскова «семеновцы» никак не могли быть причастны.

[15] *Зубова Прасковья Петровна* (1865 — не ранее 1922) — внучка Евпраксии Николаевны Вревской (Зизи), последняя хранительница писем и подарков А. С. Пушкина Вульфам и Вревским, попечительница и учительница Вревской церковно-приходской школы (1887—1894), начальница Псковского Епархиального училища

10 июля. «В 2 часа приходили в Воронич солдаты-разведчики. Завтра явится комиссар размещать сотню солдат на постой. Здесь будет бой и резня, грабежи и расстрелы... Весь Воронич в панике...»

12 июля. Солдаты не приходили, «может, и совсем не придут. Отступают они совсем. Эшелон привезли с пулеметами и назад теперь прут». Встреча с о. Даниилом — монахом из Святогорского монастыря.

13 июля. Убит ночной сторож коней. Расследование в Святых Горах.

Красноармейцы, хорошо снабжаемые продуктами, продают их населению по очень высоким ценам, поэтому «народ за солью во Псков ходит, к белым».

Смерть сторожа, скорее всего, случайная: «Это в Савкино завсегда с моста стреляют».

Сходка коммунистов в Тригорском: трудовая коммуна, которую поселили там для охраны, нарушает установленные порядки (выкосили чужой луг, ловят рыбу из прудов и присваивают себе вырученные деньги). Угрозы доложить обо всем в Опочку, «квартальному» Громову.[16]

«Вооружение — только у красных. Народ весь поголовно обезоружен. Даже холодного оружия нет ни у кого. Дезертиров к стенке ставили, если не выдавали оружия. Весь здешний рай, вся Псковская губерния захвачена латышами. Для русских недостает помещений. К Троцкому посылали с жалобой. Все захвачено латышами».

18 июля. Баба из Савкино принесла на продажу чернику в тарелках из бывшей колонии: «из сервизов барона Розена»[17] («белые с фестонами по краям и с зелененькими гирляндами вокруг них»).

Населению не платятся пенсии; рабочий с Путиловского завода, живущий на пенсию в Святых Горах: «Записано 80 процентов неработоспособности. Пенсию государственную дали 200 руб. в месяц. А теперь переписали на 150, в другую категорию. И те не высылают. Говорят, надо ехать самому в Петроград... Плохие порядки!»

(1894—1918). Недалеко от Пскова (ст. Серебрянки) ею был организован монастырь. В конце 1917 г. она приняла постриг с именем Арсения и закончила свою жизнь в удаленном Мало-Кирилловом скиту (под Великим Новгородом).

[16] *Громов Василий Васильевич* (1882—1927) — член Петроградского комитета партии, посланный в группе с коммунистами в г. Опочку в начале 1918 г. для налаживания работы Советской власти. Председатель Псковского губернского исполнительного комитета с октября 1918 г., член ВЦИК. С 7 февр. по 10 сент. 1919 г. Громов был откомандирован из Пскова в Опочку, где состоял Председателем Опочецкого уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

[17] *Розен Георгий Владимирович* (1849—1908) — помещик имения Гора (Гораи, Горай) Островского уезда, мировой судья Опочецкого уезда. Один из устроителей столетнего юбилея А. С. Пушкина в 1899 г. в Михайловском и реставрации в 1902 г. могильного холма А. С. Пушкина. В 1907—1908 гг. попечитель колонии для престарелых литераторов.

23 июля. Во время прогулки в Тригорское за грибами разговор Тимофеевой со сторожами о том, что можно или нельзя здесь рвать (вишни, яблоки, травы).

«В народе недолюбливают коммунистов. “Коммунист” — все равно что “барыня” и “княгиня” — нечто здесь ироническое вроде ласковой брани».

26 июля. В продовольственном комитете (располагался в доме Крестиных)[18] Тимофеевой выдан хлебный паек (мука) за счет пожертвований работников этого комитета («подписка на хлеб писательнице») — 15 фунтов за 21 рубль, что сама она воспринимает как долг. В просьбе устроить ее на работу ей отказывают, так как имеющаяся работа (ходить с переписью по деревням) не по силам пожилому человеку. Приходящим следом за ней — отказы в пайке. При взвешивании муки дома оказалось 10 фунтов.

31 июля. Вечером за рекой Сороть через Дериглазовский мост в сторону Носово обоз из «50 белых кибиток»: эстонские солдаты шли с Украины в сторону Врева.

1 августа. «На селе у нас ждут к воскресенью белых, но “известия”, которые выбрасывали из вагонов солдаты, оказались *прокламацией,* призывавшей крестьян “опомниться” и стойко защищать “одной грудью” надвигающуюся опасность, которую несут с собой вожди белых — Родзянко[19] и Балахович. <...> В семь часов все слышали пушечный выстрел, от которого в Святых Горах дома затряслись. Думали, мост в Ворониче взорван. Нет, мост еще цел».

2 августа. «Это бомбу бросали в озеро, рыбу глушили. Солдаты, бывшие здесь эстонцы, — все красные и все большевики, даже женщины. И Воронич начинает переходить на их сторону — из боязни разгромов и поджогов другого нашествия. Конца не видно нигде. Только твердые цены на хлеб (кто говорит 56 руб., кто — будто бы 29 за пуд) вызывают неудовольствие и неизбежность *припрятывания.* Перепись посева и скота уже началась. За каждую голову взимается налог в 10 руб.».

4 августа. Беспрерывная стрельба с раннего утра: «Говорят, это красноармейцы упражняются “для собственного удовольствия” из бронированных вагонов. А в бою “недостает им снарядов”, и они бегут. <...> С опросными бланками ездят и ходят по деревням те же учителя. Недавно в Шевели[20] прислали “молоденькую жидовку”, и никто

---

[18] *Крестины: Алексей Иванович, Яков Иванович и Виталий Яковлевич* — хозяева лавки в Святых Горах. Я. И. Крестин — член комитета по реставрации могильного холма А. С. Пушкина в 1902 г., с 1905 г. начальник Вольного пожарного общества Опочецкого уезда, А. И. Крестин состоял его членом.

[19] *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — генерал, в 1918—1919 гг. командующий Южной группы Северного корпуса, в состав которой и входил полк атамана С. Н. Булак-Балаховича.

[20] Деревня недалеко от Святых Гор.

не хотел записаться. Прислали ее в другой раз, но уже не одну — с *красноармейцами.* <...> Все *против описи,* и не верят, что *не будут хлеб отбирать* “для поравнения неимущих с имущими” во имя принципов *Р.С.Ф.С.Р.* <...> “Коммунисты” в Тригорском ловят “воров” в вишнях и яблоках, ведут их потом на веревке и грозят “расстрелять”... Т. е. признают свое право на исключительное для одних себя владение уворованным или ограбленным ими местом».

Против Тимофеевой, которая все-таки хотела участвовать в так называемой «хлебной» переписи 1919 г., «уже поднялись голоса недовольных: “Пусть только сунется к нам, — мы ее в амбаре *заквасим*! И не выйдет оттуда!” Устроили себе сами собственное самоуправление и сами же вопиют и не хотят ему повиноваться. “Но ведь другие придут и заставят вас исполнить закон”. — “Пусть другие, только бы не наши отседова. Мы тех и ругать будем”».

6 августа. Знакомство Тимофеевой с Осипом Семеновым из д. Носово, бывшим учетчиком-контролером усадьбы Дериглазово — «первый поджигатель, грабитель и террорист-верховод, предлагавший “топить господ в Сороти, благо воды для всех много”, стращавший Анисью, что донесет на нее в комитет и у нее отнимут корову, если она не перестанет “кормить буржуек”».

7 августа. В Тригорском парке обломаны все ветки с фруктами. Снова встреча с «носовским Оськой» и его «компанией». Эти новоявленные коммунисты разрешили ей набрать с земли опавшие, с червоточинкой или гнилью яблоки. Спряталась от дождя под пушкинскую ель-шатер (внутри скамейка).

11 августа. Напрасные ожидания по нескольку часов в продовольственном комитете: отказ в выдаче пайка. Принесла свой долг за прошлый паек. Описание атмосферы в отделе: перебранки, толпы недовольных. Новости, услышанные в комитете на совещании: «на станции Пыталово нашли вагоны с двумя тысячами пудов печеного хлеба и не отправляли их будто бы потому, что пути были заняты. Обыск сделали у служащих, нашли мундиры с золотыми погонами... Очевидно, все это были саботажники».

15—16 августа. Землемер из д. Зимарева погиб, попав под поезд — хотел вскочить на ходу. Все ходят смотреть на него. Выставлен конвой — не пускают.

20 августа. Экскурсия по Тригорскому и Михайловскому: учителя и учительницы со всего уезда — «курсанты культпросвета с своим председателем», около тридцати человек. Знакомство Тимофеевой с лектором опочецких курсов В. М. Никифоровским,[21] приехавшим из

[21] *Никифоровский Василий Митрофанович* (1891—1942) — преподаватель русского языка и литературы в школе в г. Опочке (с 1919), с июня 1921 г. — в школе II ступени в Святых Горах, член комитета по охране могилы А. С. Пушкина, первый директор Пушкинского заповедника (с 1 июля 1923 г.), душеприказчик В. В. Тимофеевой.

Петербурга. «Экскурсия» по комнате Тимофеевой для нескольких учителей, чтение ее воспоминаний о Михайловском и его гибели. Никифоровский озабочен сохранением ее рукописи и советует переслать ее С. А. Венгерову[22] или Н. А. Котляревскому.[23]

В коммуне Михайловского, по мнению местных жителей, «живут теперь *осковерники* (осквернители, пакостники)».

21 августа. «Палят где-то из пушек и валят грудами беззащитных красноармейцев. Солдаты-дети с винтовками бродят по деревням в поисках куска хлеба. Поезда возят снаряды». От снарядов горят деревни.

Питание впроголодь: яблоки, грибы, молоко с ржаным кофе.

23 августа. В продкоме Тимофеевой выдали 5 фунтов муки; начальник милиции выступает в защиту «интеллигентствующих пролетариев»: «Из Опочки получено предписание: до апреля 20-го года хлеба продкому не выдавать, так как у всех теперь есть свой собственный... Ну, а нашему брату, интеллигентствующему пролетарию, да еще семейному — пять человек детей, остается теперь одно: совершить преступление, чтобы посадили в тюрьму и кормили на казенный паек!» Вдова погибшего зимаревского землемера вымолила 20 фунтов.

В келье о. Даниила: беседы о монашестве и новой власти.

26 августа. Полесовный из д. Буши рассуждает: «Когда это мы освободимся от *неверной-то силы*? Замучились все. Ничего *своего* у нас теперь нет. Придут, когда хотят, отберут все, что им надобно. У немцев в плену было лучше. Люди *куртуйные* (культурные). А тут все как есть фулиганы. А вот где белые, там белая жизнь».

28 августа. Слухи: «Кронштадт сдан матросами белым, красные будто бы присоединяются к белым, и Петроград сдают тоже. “Жизнь тогда восстановится сразу, все по-прежнему будет?” — говорит наша наивная квартирантка».

31 августа. Тимофеева впервые побиралась за хлебом по избам Воронича.

«Воронич послал баб во Псков за солью. По газетам и слухам Балахович “перешел к красным”, а штаб его весь разбежался.[24] Но солдаты Красной армии “побираются” солью и перехватывают ее у баб, платя им за фунт по *сто рублей*».

---

[22] *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — известный историк русской литературы, крупнейший библиограф, редактор многих изданий.

[23] *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — академик, литературовед, первый директор Пушкинского Дома.

[24] Н. Н. Юденич решил покончить с «атаманщиной» в лице С. Н. Булак-Балаховича: 22 авг. 1919 г. он направил в Псков крупный экспедиционный отряд, который, войдя во Псков, арестовал десять офицеров из окружения «батьки». Булак-Балахович укрылся в расположении штаба 5-го эстонского полка. Расценив подобные действия как дезертирство, Юденич исключил его из списков армии. См.: URL: http://gubernia.media/number_430/04.php (дата обращения: 15.04.2019).

1 сентября. Тимофеева ходила за хлебом в д. Дедовцы и Зимари. Рассказ Руфины Белокуровой, «телефонистки в комитете центрального инженерного управления, в отделе отправки грузов», о полной неразберихе в этом отделе и воровстве.

4 сентября. О. Василий и о. дьякон в шалаше стерегут груши и яблоки. Последний рассказывал о том, что видел под Псковом, в своей деревне: «Все разворочено, сожжено. Ничего не осталось. Только две избушки торчат. Живут в шалашах или прямо в поле. Эстонцы *изменили*. Объявили, что война надоела: "Не хотим больше воевать, воюйте вы одни (белые) с русскими, а мы не хотим, надоело!" Балаховича хотели арестовать и выдать красноармейцам. Но он получил 15 миллионов за измену и откупился».

Во Пскове «весь рынок заполнен жидами. Все у них есть, только ничего покупать нельзя: фунт хлеба — 27 руб., мыло — от 180-ти руб. Сапоги мужские хорошие — 1500, похуже — тысяча; женские ботинки — 250 руб. Торгуют вовсю, как прежде бывало. Шарманка играет, пляшут, поют. Народ жалеет об уходе белых и ждет их опять через 2 недели».

8 сентября. «Софья Борисовна умерла недавно в Ямбурге.[25] Комната у нее была хорошая, покойная. Жила она у родных и умерла от старости». Слухи о расстреле в Выборе Прасковьи Зубовой.

9 сентября. Разговоры с крестьянами: народ хотел бы посмотреть на новых правителей.

15 сентября. Ожидаемая мировая катастрофа: «газетное извещение об открытии (Н. А. Морозовым и Д. О. Святским) *новой кометы*, движущейся близко к земле, наполнило душу чем-то подобным восторгу затаенного ожидания...»

Даша из Савкина обратилась за помощью в деле против ее свекра, которого вызвали повесткой в Святые Горы и арестовали по уголовному делу о разграблении и поджоге Михайловского. «В Опочке опять забеспокоились. "Оттого, може, что хлеба у них нет, прижимать начинают". Возможно, что и так! "*В деревни — за хлебом!*" — читала я вчера в "Известиях". Обещала Даше подмогу своей аттестацией, и письменной, и личной».

18 сентября. Тимофеева «босиком» (как и все лето) ходила с Дашей в Святые Горы для дачи показаний «судейским», присланным из Опочки и остановившимся в доме Шукаловых. Дашу отпустили, записав показания обеих. Они навестили свекра (арестанты сидят в Волостном управлении). В заключении полно дезертиров.

---

[25] Точная дата смерти не была известна до настоящего момента (указывались 1920-е или 1920 г.). На основании дневника, можем утверждать, что это, скорее всего, август 1919 г. Местом упокоения указан г. Кингисепп, хотя правильно: Ямбург, только в 1922 г. переименованный в честь эстонского революционера Виктора Кингисеппа. По другим данным, С. Б. Вревская умерла в Риге (URL: https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post277835910 (дата обращения: 22.06.2019)).

В продовольственном комитете сменился председатель: Фрола Иваныча Фролова, «с интеллигентной наружностью», после ревизии «препроводили» в Опочку. «Новый хлебный король» Илья Прокофьевич поставил резолюцию на ее заявлении «бывшая писательница, голодает!», ей выдали 12 фунтов зерна (последнее из ящика). Даша помогла донести мешок.

20 сентября. Поезда снова не ходят до Пскова. Визит к ней представителя Опочецкого отдела народного образования, Ильина, с киногруппой из Москвы для съемки наиболее интересных уголков Тригорского и Михайловского.

25 сентября. Весь Воронич занят приготовлением *к празднику* Воздвижения: «моют, чистят, скребут, колют и режут свиней и баранов, растворяют, пекут, и только и слышишь везде приглашения: “На праздничное жалуйте”. Дня три будут кормить десятки гостей... Едят, пьют одетые все по-праздничному, ходят взад и вперед толпами по улице, играют на гармонике, выкрикивая с натугой свои нелепые частушки, пересуживают друг друга, вздыхают или зевают, обмениваясь давно всем известными “новостями”: “Псков занят красными, и там все опять вздорожало” — опровергают ими же сочиненные легенды и т. д. и т. д. Легенда о расстреле Прасковьи Зубовой оказалась вздором. Бабе удалось ее переодетую переправить за Псков — туда, где проживает теперь и владыка Евсевий».[26]

2 октября. Разговоры среди крестьян: «Царя нужно нам, одного хозяина, чтобы порядок был...», а «белые или черные, теперь все равно»; «под жидовскою властью находимся, Евреи нами командуют...».

19 октября (воскресенье). Из Опочки приехала Е. Н. Кудрявцева, которая едет делегатом в Петроград на заседание отдела охранения памятников старины и искусства, где предполагается рассмотреть вопрос о Михайловском. Советуется с Тимофеевой, что нужно там реставрировать, и приглашает ее принять участие в этом заседании (хотя опасается из-за того, что Гатчина занята белыми):[27] «И это бы, конечно, лучше всего...» Писательница высказывает свое мнение о том, что «всякая реставрация теперь не имеет смысла (да и средств у них

---

[26] *Архиепископ Евсевий* (в миру Евстафий Сергеевич Гроздов; 1866—1929) — епископ Русской православной церкви и Эстонской Апостольской православной церкви. В августе 1919 г. покинул Псков вместе с отступавшими войсками Северо-западной армии, 12 сент. того же года прибыл в Эстонию. Вместе с ним прибыло духовенство псковского Троицкого собора и других церквей. В Нарве временно управлял епархией северо-западных областей России и служил епископом Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича.

[27] С целью нанесения удара войскам Юденича директивой главкома от 17 окт. 1919 г. для 7-й армии была создана Ударная (Колпинская) группа. 21 окт. части 7-й армии перешли в контрнаступление. Под их давлением войска Юденича 23 окт. 1919 г. оставили Царское Село, а 26 окт. — Красное Село.

нет, да и нечего там совсем реставрировать, кроме *домика няни*). Желательно же одно: сохранять характер былой усадьбы поэта и вдохновлявшие его Михайловские рощи. Для этого необходимо: сознательное отношение всей округи к этому святилищу поэзии, носящему следы творческих замыслов, песен и дум его, нужна строгая охрана *без всяких насельников* в самой усадьбе; нужно оградить ее строжайшим запретом рубить, ломать и расхищать людьми и животными. Впоследствии на месте дома — постановка статуи поэта и павильон-музей».[28]

17 октября. По делу о разграблении Михайловского: «савкинских отпустили не иначе как за хорошую взятку... Так прежде велось. Так и всегда будет. Рука руку моет».

Рассуждения крестьян: «Все бы дело иначе пошло, кабы крестьянин, наш брат, во главе стоял. А то ведь кто же там над нами верховодит-то? Которые в тюрьмах, в острогах сидели. Они не знают, как и хлеб-то растет, какое же хозяйство завести они могут? По нашему делу, коли дали нам теперь земли и лесу, так нам больше ничего и не надо. А без капиталов нам тоже нельзя. Капиталы нужны для устройства жизни. Нет, они ладят же "Буржуев долой! Будем сражаться за наши права!". Какие тут права — своих ружьями бьем и без соли второй месяц сидим. А прежде и сахару, и соли сколько угодно было».

В Тригорском парке пасут коров и свиней.

20 октября. Тимофеева снова побирается. «Никто не отказался подать и "поберечь" (угостить). Но хлеб у всех плохой, с пелами». «Теперь все побираются».

Среди крестьян открытая неприязнь к «нонешним правам», противодействие им: «хоть стреляйте...» — «не дадим, не уйдем (от реки), не запишемся...»

26 октября. В отсутствие о. Александра, уехавшего в середине октября в Пруды[29] служить вместо больного священника, о. Гавриил распускает слухи, будто о. Александр остается в Прудах и распродает здесь все имущество, и агитирует своих прихожан устроить в его доме молитвенный дом. Постоянно приходят люди «торговать» дом или вещи. Только Даша из Савкина беспокоится: «А как же Варвара Васильевна? Ее куда?». Тимофеева расспросила ее «насчет арестованных подсудимых. Отпустили всех на поруки за десять тысяч. "Один, который за них там старался, выхлопотал это нашим савкинским. А других так и не отпустили"».

24 (?) **октября**. На почте: деньги (переводы, пенсии и пр.) не выдают: высланные «из Опочки пять миллионов «пропали по дороге сюда. Украл неизвестно кто (?!). Злоупотребления, вероятно».

---

[28] Эту же мысль впоследствии будут повторять первые руководители Общества по охране Пушкинского уголка и Заповедника.

[29] *Пруды* — погост Псковского уезда.

В продовольственном комитете: хлеба нет. «Из Опочки приехала комиссия. Хлеб возьмут на учет», «приходите в первых числах месяца. Будет порайонный сбор — по 10—15 фунтов на паек». Картофель выдают по 20 фунтов по 36 руб. за пуд.

Случайная встреча в доме Харенских[30] с Г. Ф. Богдановым,[31] его жизнь после революции.

«В Святых Горах размещают теперь кавалерию 11-ой дивизии, отличавшейся революционным духом еще в первый период войны».[32]

9 ноября. Кража со взломом вещей Зварковских.[33] Вызов Тимофеевой в Опочецкий комитет *подотдела Труда* для медицинского освидетельствования на право получения пенсии. Безрезультатно.

12 ноября. Приходившие с требами к о. Василию рассказывали, что в Новоржеве крестьяне разогнали «всех советских» из-за реквизиции хлеба и мобилизации рекрутов «на убой». Вчера ночью были присланы военные с пулеметами — «*усмирять*».

Дезертиры, прячущиеся у родственников, говорят «при всех без стеснения»: «Я свое отслужил — и буде. Семь годов на войне провел. При Николае под Львовом, под Люблином был; *билизован* опять тоже был. А с кем теперь биться надо — не знаю. Ушел». Подобные речи почти в каждой избе: «Я теперь никуда не пойду. Лягу на печку и буду лежать. Пусть приходят и заколют на печке. А летом вырою яму и буду лежать в яме днем, а ночью вылезать на свет божий...»

«В доме Крестиных водворилась военная комиссия и записывает теперь новобранцев. Исполком, продком и отдел социального обеспечения — все *три стола* рядом — перебрались в бывшее Волостное».

---

[30] *Харинский Павел Иванович* — крестьянин, державший до революции москательную лавку (москательные товары — устаревшее название предметов бытовой химии: красок, клеев, технических масел и др.). Вместе с братом, Александром Ивановичем Харинским, с 1905 г. состоял пожизненным членом совета Вольного пожарного общества Опочецкого уезда. 2 мая 1914 г. государь Император пожаловал П. И. Харинскому золотую медаль для ношения на груди на Аннинской ленте «За усердие». См.: *Фролова Л. А.* История пожарного дела Опочецкого уезда // Псков. 2005. № 23. С. 98—120.

[31] *Богданов Григорий Филиппович* (1862 (?) — после 1937) — управляющий с. Михайловским с 1899 по 1908 г., родом из сельца Матюшкина. Был назначен заведующим хозяйством Пушкинского уголка Опочецким уездным исполкомом 27 сент. 1921 г. (*Бурченкова Р. В.* Рождение Заповедника // Псков. 1998. № 9. С. 202) и сменен А. И. Щеголевым по распоряжению того же исполкома 1 авг. 1924 г. (ГАРФ, ф. А—2307, оп. 10, д. 185, л. 32).

[32] *11-я Гомельская кавалерийская дивизия* — соединение кавалерии РККА, созданное во время Гражданской войны в России 1918–1920 гг. Являлось маневренным средством в руках фронтового и армейского командования для решения оперативных и тактических задач.

[33] *Зварковские: Николай Александрович*, бывший управляющий колонии для престарелых литераторов в Михайловском, и его жена *Надежда Петровна* из-за срочности отъезда в ноябре 1917 г. оставили Тимофеевой свои пожитки (мебель, посуду и книги), с просьбой их продавать и отправлять им вырученные деньги.

Вместо уволенного Никифора Михайлова[34] — Сергей Федорович Зуев. Заведующий Фрол Иванович сидит в тюрьме в Опочке.

Новости от служанки доктора бывшей колонии — Екатерины Сергеевны Кабановой,[35] которую Тимофеева в воспоминаниях «Шесть лет в Михайловском» называла «Джиоконда»: «Карповские господа[36] все убежали в Гдов. Во Пскове только француженка их осталась. Лысогорская барыня[37] тоже убежала, вместе с генералом (А. В. Фок)[38] в Екатеринославле живут. А барин Корсаков[39] — тот пропал без вести. В Одессу уехал.

13 ноября. Закупка «комитетскими» хлеба для неимущих. Реакция крестьян: «Это по ихней-то цене, по 50 руб. за пуд, когда его давно продают по 600 и дороже! Нет, уж пусть они подальше ездят от нас, такие покупатели».

19 ноября. «Фельдшерица (Елена Дмитриевна Волкович), из Орла, поверяла свое прошлогоднее возмущение:

— У вас волосы поднимутся на голове, когда я вам скажу, что они тут хотели... Помните вы, в прошлом году, когда начались эти ноябрь-

---

[34] Пресса тех лет критиковала его бездеятельность именно в отношении работы библиотек: «Вот и избы-читальни: заброшены они, да их и не было; все это делается спустя рукава; главная вина падает на т. Михайлова, который состоял в культурно-просветительском отделе и ничего не сделал. Позор!» **(**Опочецкие известия. 1920. 24 нояб. № 12. С. 2). Тимофеева же упоминает об этом горе-начальнике как об усердно работавшем для своего кармана, который ходил в отдел только за газетами для обмена их на яйца и молоко (в записи от 1 марта 1920 г.). Читальня в Святых Горах, возглавляемая библиотекарем-писательницей, пользовалась большой популярностью, она стала своеобразным культурным центром поселка.

[35] *Кобанова* (в замуж. *Скарлато*) *Е. С.* — врач, окончила Высшие женские медицинские курсы в Петербурге.

[36] *Карпов Павел Федорович* (1850–1922) — начальник 1-го участка Опочецкого земства, попечитель колонии в 1914—1916 гг., помещик (имение Вече Опочецкого уезда). При Карпове в Святых Горах были открыты почта, телеграф, больница, школы в слободе и окрестных деревнях, построен мост через р. Великую, участок железной дороги Псков — Полоцк, железнодорожный вокзал на станции Тригорская и др.

[37] *Фок* (урожд. *Петропавловская*) *Александра Михайловна* — жена Фока Алексея Викторовича, владельца усадьбы Батово на Лысой горе (близ Тригорского) до 1909 г.

[38] *Фок Александр Викторович* (1843—1926) — генерал-лейтенант, последний владелец усадьбы Батово (с 1909 г.). В 1918 г. ушел в Белую армию, с 1920 г. жил в Болгарии. Его мать, Екатерина Ивановна Фок (урожд. Осипова; 1823—1908), — младшая дочь П. А. Осиповой-Вульф, хорошо помнившая А. С. Пушкина.

О судьбе семьи Фоков во время и после революции см. публикацию статьи А. А. Попова «Злой гений» (Псков. 2015. № 43. С. 90—124. Публикация В. Г. Никифорова).

[39] *Корсаков Георгий Георгиевич* (1878 — после 1917) — уездный предводитель дворянства (1907—1913), попечитель колонии (1908—1914), помещик Опочецкого уезда (имение Васильевское).

ские празднества (я тогда нарочно дежурство взяла, чтобы не участвовать), и застрелился тогда один телеграфист, речь свою позабывший, ну, так вот: *они хотели похоронить его в одной могиле с Пушкиным*! И похоронили бы непременно, да уж кто-то вступился, запротестовал. А председатель тогдашний исполкома, простой мужик, Иван Егоров, на все Святые Горы кричал одно только: "Наш пиет Пушкин! Наш пиет!"».

22 ноября. Воспоминания Тимофеевой о ноябрьских празднествах: «На "великокняжеской" арке (ставили ее в честь вел. кн. Марии Павловны младшей в 1915 г.), в прошлом (1918) увенчанной гирляндами хвои, висел портрет Пушкина. А нынче спрашиваю дорогой, кого они тут повесили (при самом въезде в Святые Горы), и мужик, подвозивший меня на дровнях, обернулся и досадливо промычал: "Нынче кого-то из *них,* либо Ленина, либо Троцкого: лысый". <...> Портреты наших "новых царей" вообще не пользуются популярностью. Бабы выкалывают глаза Троцкому, мужики отрывают им головы "на цыгарки". Были случаи привлечения даже к суду за "непочтительное отношение к власти" или "оскорбление величества", что-то в этом роде. Только один портрет Карла Маркса вызвал набожное настроение, но и тем обязан простодушному невежеству пришлых из дальних мест жителей. Когда портреты героев ноябрьских дней носились как знамя, в процессии, какой-то мужичок снял шапку и начал усердно креститься, умильно поглядывая на благолепного старичка с бородой. Он принял его за *Николая угодника*, мирликийского чудотворца. Сходство с изображением на монастырских воротах обмануло и не его одного».

2 декабря. Тяжелая моральная обстановка жизни Тимофеевой в отсутствие о. Александра в соседстве с попадьей. Переезд нового жильца, Евгения Ивановича Филимонова, брата новоржевского фотографа.[40]

30 декабря. Перевыборы в Волостном. Антон Михайлович Федотов (новый комиссар) вступается за Тимофееву, на заявления которой никто не обращает внимания. Ответ из опеки г. Опочки еще не получен, пришла за пайком — просят прийти за 10 фунтами на следующей неделе, в январе.

Крестьяне обязаны исполнять «наряды», например, пилить и возить дрова для школы (в Святых Горах она располагалась в монастырской гостинице). Детям в школах предписывают записываться в «Коммунию» — иначе их «учить не будут».

4 января 1920 г. Тимофеева не может никуда ходить, так как не позволяет обувь: оттепель, валенки быстро промокают.

6 января. В комитете Илья Прокофьич хлеба не дал. С. Ф. Зуев и Н. Михайлов уже не вступаются за нее.

---

[40] *Филимонов Николай Иванович* — новоржевский купец, фотограф, вдохновитель народного театра, устроитель кинематографа, член пожарного общества.

7 января. «Современные нравы. Ловят дезертиров, и, если не выдают, берут мать, отца, всех, кто налицо. Одному отцу, не выдававшему сына, сказано было:

— Раздевайся, сейчас стрелять буду!

Разделся.

— Куда тебя лучше стрелять: сразу смерть или медленная?

— В голову лучше, сразу.

Солдат отпустил его.

Матери одной сказали:

— Закрывай глаза, стрелять буду!

— Стреляй, говорит, закрою, когда помирать буду.

10 января. На вечере в школе, куда Тимофееву пригласили прочесть что-нибудь из воспоминаний о Михайловском, она произвела впечатление на председателя наробраза Бычкова.

Опасения учителей и знакомых за жизнь Тимофеевой, откровенные воспоминания которой на вечере понравились не всем жителям (присутствовали участники поджогов и грабежей).

В тот же день принесли письмо из Опочки от В. Никифоровского, К. Яковлевой и Е. Кудрявцевой с приглашением принять участие в литературном вечере памяти А. С. Пушкина.

Финал истории Семена Тихоныча (Тучинского): «били-били, ловили-ловили, судили-судили, а выздоровел — зачислили в агенты *ЧеКа*. Теперь общепризнано, что именно Тучинский, не кто другой, организовал сожжение сел».

13 января. Крестьянин из д. Корни: грабить и жечь «научали» советы, жгли не «наши», «Печанская волость[41] сюда понаехала. Она всем и орудовала тут».

ТОМ 4

23 января. Крепкие хозяйственники не хотят записываться в коммуны: «теперь всё и отнимают у нас. И скот, и землю уж отнимать хотят».

25 января. Ночью в Вороните сгорел дом Ивана Емельянова. Семья зажиточная, сыновья спекулируют: уверены, что быстро отстроятся, если леса дадут или купят «Лохов дом (где теперь школа)».

27 января. Дочь лакея Ф. Беляева, Анна Федоровна, снова говорит Тимофеевой, что чтение Тимофеевой «разочаровало» некоторых, когда она упомянула, что во время проживания в семье Муравейских ее ограбили.[42]

---

[41] Известен только погост Печане.

[42] Бóльшая часть вещей Тимофеевой пропала в марте-апреле 1918 г.: «Пока я ездила по комитетам за добыванием “пайков”, мои сердобольные хозяева обша-

28 января. Вечером за Тимофеевой приехали сани (по наряду от наробраза), чтобы отвезти ее на станцию Тригорская. Поезд после полуночи, ей встретился знакомый учитель В. Ф. Волков, который ехал в Опочку навещать жену. Ехали три часа. На вокзале — давка, неразбериха. Он проводил Тимофееву к Агафье Ивановне,[43] жившей рядом со станцией.

29 января. Утром Тимофеева пошла в г. Опочку (пять верст). Остановилась в бывшей гостинице Сергеевых (родственники сестер-учительниц Сергеевых из Зимарева).[44] За ней на станцию были посланы сани, но из-за суматохи Тимофееву не нашли.

Неделя в Опочке. «Читать мне приходится ежедневно: в народном доме, в школе 2-ой ступени, в реальном училище, у себя на дому, куда собираются “избранные” по духу, искренние любители “живого слова” и задушевных признаний».

Ее стали узнавать на улице, в аптеке; ученик реального училища взял в библиотеке ее воспоминания о Ф. М. Достоевском. Ей предложили остаться в Опочке, организовать музей «Пушкинского уголка» и сотрудничать «по народному просвещению». Но она не хочет связывать себя партийными обязательствами, необходимыми при такой работе.

Обратная дорога на санях. Ночевка в селе Захине в доме братьев Эдуарда и Альберта Тиме, владельцев турбиностроительного завода и собственной электростанции.

16 февраля. Аукцион вещей Тимофеевой и Зварковских. Почти все вещи скупил крестьянин Василий Клиш, председатель продовольственного комитета в 1918 г.

25 февраля. Книги повсеместно скупаются для раскуривания.

4 марта. «Мужики с возами нарубленных дров — потихоньку таскают их из лесу друг у друга. И православное духовенство чуть не во главе. Смута, разлад и вражда повсюду. О. Александра выжили из Нахлиц,[45] а здесь все выживают друг друга. Слово “коммунист” становится чем-то вроде “слово и дело” во времена Бирона: для одних это

ривали мою с добродушной доверчивостью незапертую корзину». Тимофеева догадалась об этом, читая неграмотной «старой дьяконихе» письма дочери из Петрограда, — случайно прочитала и ее благодарность за присланные вещи (кисейные платья, кружевные перчатки, кофточки, ленты и пр.).

[43] *Модестова Агафья Ивановна* — учительница пристанционной неполной средней школы № 41.

[44] В архиве Тимофеевой сохранилась сделанная ее рукой запись «Как зажигали Михайловское (рассказ очевидицы, П<елагеи> С<ергеевны> Сергеевой), в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г.». См. публ.: *Кощиенко И. В.* Революционное Михайловское глазами В. В. Тимофеевой. С. 104.

[45] Известен только погост Знахлицы Псковского уезда, с церковью Покрова Божьей Матери, у Тимофеевой, очевидно, записано с произносительной ошибкой местного населения. Сегодня церковь действующая, расположена в д. Болотово.

равносильно смертному приговору, для других — пропускным билетом на всякое беззаконие».

10 марта. «Выучилась теперь печь и лепешки, сухие галеты». Ее паек не выдан за недостатком «забранного» хлеба. «Солдаты идут и идут... И по дороге забирают хлеб, скот, подводы...»

Чтобы отправить посылку сухарей Тимофеева брала разрешение в милиции: «У начальника в канцелярии вещи “селовые”: мебель из разных барских домов — будуарный диван и кресло, покрытые рытым бархатом; столик резной красного дерева, кресло кабинетное (спинка ясеневая, сиденье плюшевое цвета kert-mousse), а сидят и ходят там переодетые “интеллигентами” мужики и стараются подражать “господскому” обращению».

От бытовых проблем Тимофеева спасается чтением: «Зачитываюсь Пушкиным. Письма, мысли, критические заметки — точно говоришь с умным, интересным, живым и симпатичным человеком. Евангелие и Пушкин — с этим можно прожить, не ощущая скуки и голода, где угодно, хоть на необитаемом острове».

11 марта. Впечатления Тимофеевой от «присутственных мест» в Опочке и Святых Горах: «Народу много. Столы, столы... За каждым столом — особый делопроизводитель. За недостатком — в расходе оборотная сторона использованного бланка. И *ежемгновенно* нумеруется и выпускается новый приказ, указ, разрешение, удостоверение и пр. Одни строчат, другие — в ожидании — ходят и разговаривают, третьи прислушиваются (или *подслушивают?*). Редко увидишь пожилое лицо. Все исключительно безбородые и безусые или с голыми черепами (бывших каторжников, что ли? Или после-тифозных?)».[46]

Заведующий отделом внешкольного образования, Ильин (Алешковский),[47] старается подобрать писательнице подходящую работу: «агент по охране Пушкинского уголка».

16 марта. «Волков (учитель), Алексей Федорович <Федоров> (учитель), Столяров, святогорский обыватель, Федор Михайлович Беляев (бывший лакей) и наш Евгений Иванович записались в трудовую артель (она же “коммуния”) и собираются строиться там же, в Тригорском».

---

[46] Газета «Псковский набат» регулярно (особенно в феврале-марте 1919 г.) писала о жертвах эпидемии сыпного тифа в разных уездах губернии, о мерах профилактики: «В Опочецком уезде отмечены заболевания целыми семьями. В одной заболело 7 человек, из коих умерло 5» (1919. 16 февр. № 62. С. 2).

[47] *Алешковский Алексей Николаевич* (1879 — после 1926) — сотрудник Опочецкого уездного отдела народного образования (сентябрь 1919 — сентябрь 1921). С сентября 1921 г. во Пскове преподаватель по внешкольному отделению Института народного образования (ГАПО, ф 590, оп. 2, д. 264, л. 1—5).

Почему Тимофеева указала фамилию Алешковского в скобках рядом с фамилией Ильина, установить не удалось. Ильин упоминается еще несколько раз, Алешковский единожды.

Мужики обсуждают последние новости: наступление поляков. «Лучше или хуже будет — никто не знает, но все ждут и желают теперь одного: чтобы была перемена. Но коммунистов поляки будут расстреливать», «быть нам под Польшей».[48]

Со всего Воронича были собраны деньги за дрова, развозили их всего неделю и вдруг объявили запрет: «Вчера весь вечер солдаты стреляли в рубщиков леса. В пятницу, говорят, приедут сюда из Опочки депутаты, и в Тригорском состоится собрание, на котором "будут читать" *обо всем, что ждет нас и трудовые артели*».

19 марта (пятница). На этом собрании был сосед Тимофеевой Евгений Иванович: «Опочецкий депутат, председатель Панкратьев, объявил Тригорское *Трудовой Артелью, но не Коммунией,* а потом сам же назвал ее "Наша Коммуния". Одна *общая* постройка, одно общежитие, общее поле, общие орудия, общий посев и общая работа. Крестьяне не соглашаются и требуют "полосного" владения собственников».

23 марта. Антижидовские настроения среди крестьян.

27 марта. Рассказы Тимофеевой о Пушкине, декабристах для говельщиков, ночевавших в доме о. Александра. Пояснение реформ Александра II (1860-х гг.) поняли как «предвещанье Пушкина» о «нонешних временах». Расспросы крестьян о царе Николае («жив ли?») и вел. кн. Михаиле. «Клянут теперь все эту свободу». Среди ночующих два старика, служивших у Григория Александровича Пушкина сторожами. Они вспоминают об уважении к господам и их доброте, упоминается Федор Осипович Княжевич,[49] его предчувствия накануне перемен.

Никто не советует Тимофеевой переезжать в Опочку, так как «здесь покойнее будет» и удивляются: «Вот их там много сидит, что ж никто до того не додумался, как это дело решить (Пушкину памятник в Зуёво[50] поставить)». Из Опочки тоже пока молчат, но думают о своем: «Мыслью воспользовались, а шлют уже своего агента — "организатора охраны Пушкинского уголка" — из Опочки».

30 марта. Тимофеевой не выдают пайка и не считаются с нею: «Я "агент охраны" Михайловских рощ, а *они* (советы, комитеты) запродали и успели вывезти уже 700 пней из Михайловского (А. И. Ба-

---

[48] Эти настроения связаны со значительными успехами польской армии после неудавшихся мирных польско-советских переговоров (октябрь-декабрь 1919 г.). Боевые действия возобновились: в первых числах января 1920 г. польские войска взяли Двинск, 6 марта начали наступление в Белоруссии, захватив Мозырь и Калинковичи. Четыре попытки Красной армии отбить Мозырь не увенчались успехом, неудачей закончилось и наступление РККА на Украине.

[49] *Княжевич Федор Иосифович (Осипович)* (1861—1918) — генерал-майор русской армии, флигель-адъютатнт командующего 6-й армией К. П. Фан-дер-Флите (с 1915 г.), старший сын К. Ф. Княжевич. Расстрелян большевиками. Место его расстрела и захоронения неизвестно.

[50] Первоначальное название с. Михайловского, происходившее от гнездившихся в округе серых цапель — зуй.

кусов, подрядчик завода).[51] <...> все заручаются выгодными связями, знакомствами. Один сообщает о приезде к нему “организатора охраны” от уезда, другой — о приезде учетчиков хлеба и пр., и пр.».

4 апреля. Все живут слухами: «“Троцкий уехал за границу — это уже факт!”, “Троцкий и Зиновьев убиты, Ленин арестован — факт!” И потом все окажется “вздором”. А на самом деле правдиво тут только одно: всем и каждому настоящая жизнь стала до того нестерпима, что все жаждут, ловят и разносят все эти “слухи”, упиваясь хоть на минуту возможностью *перемены*... ожиданьем нового переворота... Почта не ходит, поезда не приходят — *может быть, там переворот*?.. Рыбу стреляют на озере целым сходом, с ружьями и винтовками — а нам *слышатся* орудийные залпы, и мы ждем — *не переворот ли*?!»

7 апреля. Благовещение. На церковном дворе по просьбам вороничских баб и мужиков писательница читала вслух канон Иисусу, «а вокруг с умилением слушали».

9 апреля. «Утреня с чтением 12-ти евангелий служилась чуть не в 8 часов. Вероятно, потому что свечей нет, а раньше в церкви темно. Свечи 3-копеечные продаются по 50 руб. И тяжело, и как-то *нехорошо* было видеть свечи только в руках духовенства и причта, да кое у кого из прихожан побогаче — да позапасливее. Многие изготовляют теперь свечи у себя на дому, где есть пчелиные ульи».

17 апреля. По словам Ф. Б. Борисова,[52] в Опочке нечего есть, оттуда бежит интеллигенция. В рабочую артель в Тригорском мечтают перебраться учителя, так как пайки урезаются и выдаются только «чернорабочим». Ильин отказался от заведования отделом внешкольного образования, «Никифоровский мечтает переехать в Глубокое (бывшее имение графа Гейдена)[53] и там пристроиться к библиотеке».

---

[51] *Бакусов Алексей Иванович* (?—1941?) — владелец кирпичного завода «Подкрестье», расположенного в четырех верстах от Святых Гор. В годы НЭПа А. И. Бакусов добровольно передал кирпичный завод государству.

[52] *Борисов Федор Борисович* (1879 — после 1925), родом из д. Середнино Вороничской волости Опочецкого уезда, из крестьянской семьи, окончил учительскую семинарию, работал учителем, в 1917 г. — член эсеровской партии, после революции — школьный инструктор, с 1919 г. — статистик: в губстатбюро заведовал земельной секцией. См.: ГАПО, ф. 590, оп. 2, д. 121, л. 446.

[53] *Гейден Петр Александрович* (1840—1907) — граф, тайный советник, член Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1890 г. жил в имении жены, княжны Софьи Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Имение Глубокое располагалось в Опочецком уезде у озера Глубокое.

Так, газета «Красный набат», выходившая в период белогвардейской оккупации Пскова в Великих Луках, в августе 1919 г. сообщала: «В Опочецком уезде есть имение Глубокое, оно отведено под советское хозяйство. Но барский дом в заброшенном виде, все ценные вещи разграблены. Имеющийся при имении фанерный завод также забыт и заброшен. Хорошие, новые станки, которые могли быть приспособлены к другой работе, стоят без применения, приходят в негодность. Была

21 апреля. Продовольственный отдел дал разрешение на покупку (фиктивную) третьей коровы на имя Тимофеевой, содержать которую будет Антон Михайлович Федотов, государственный контролер. За это согласие Тимофеева будет получать от него 2—3 бутылки молока в неделю.

22 апреля. Тимофеева, чтобы выжить, дает уроки немецкого и французского языков девочкам-крестьянкам, за которые они расплачиваются с ней продуктами.

26 апреля. Спор нескольких деревень за землю: «В Дериглазове семей 5, с “коммунистом” Макаром <Ереминым> во главе, собираются “*заводить коммуну*”, а носовцы и дедовцы не пускают. “Они хотят господами засесть, строиться на усадьбе, от домов новые дома здесь строят, а земли совсем мало. Начнут вытеснять нас тогда. С мужиками хуже, чем с господами — не сговоришься. Мы, говорим, свою барышню ждем;[54] мы ей норму дадим, она сама тут строиться буде”. <...>

Семен-рыбник,[55] собиравшийся “господ резать, коли обратно вернутся”, в новом настроении: “Переезжай ко мне. Кормить буду. Верное слово. И рыбки, и картошки, и хлебца — всего дадим! Переезжай! За то, что от Пушкина кормился всю жизнь, за то и “тебя кормить буду”».

Е. И. Филимонов принес наполовину раскуренную книгу, «добытую вчера из д. Ульяшки»: «Посмотрела — III том сочинений Пушкина. Одно из *посмертных* изданий, кажется 1838 г. Купленное для нашей “Пушкинианы” в Михайловском... Неполное, с рукописными добавлениями и вставками. Страница 7 (“Клеветникам России”), страница 528 (“Песни западных славян”). Вот как они *питаются* от *Пушкина*!»

На современные порядки жалуется крестьянин Иван Никандров: «конь транспортный был у него на корму — “заместо отобранного в милицию”. Выехал было с ним “орать” — встретил милиционера. Заарестовал плуг. Началась процедура в комитетах о возврате или замещении коня, так как у него один жеребенок, бессильный еще. Ну, и вот посылают из одного места в другое за разрешением: отсюда — в Опочку, из Опочки — сюда. А коня все-таки не дают. А время уходит... Рабочее время! “Прежде знал, к кому идти: стражник, урядник, пристав — из виновного невинным выведут. А теперь ходи возле них — не доберешься никак”».

на заводе динамо-машина, ее похитили. Винокуренный завод в имении также заброшен: паровые котлы разрушаются, слесарные принадлежности и части исчезают. Местные власти не принимают меры к охране» (Красный набат. 1919. 12 авг.).

[54] Речь идет о *Шелгуновой Анне Дмитриевне*. Эта бывшая помещица усадьбы Дериглазово, одна из сестер-наследниц, вскоре вернулась на разоренные земли с надеждой поселиться и работать там в новых условиях. Описываемая здесь ситуация разрешится в июле (см. ниже).

[55] *Семен Илларионович* — кучер имения Лысая Гора (поместье Фоков).

27 апреля. «В парке видела возмущающую душу картину: молодое деревцо (лозняк) с нежно-зеленеющими ветвями только что распустившейся листвы и с совершенно голым стволом, облупленным на *лыко*, из которого теперь предприимчивые вороничане выделывают кожу для обуви или дубильную кислоту для нее. Вот и охраняйте тут “Пушкинский уголок”!»

4 мая. Длинные военные поезда (до 50 вагонов) тянутся в одном направлении. Из одного такого неслись солдатские песни. «На убой так не едут. В газетах объявлено было возвращение войск по домам.[56] Но выстрелы продолжаются. Вчера бухали целый день вплоть до позднего вечера и совсем ночью». Общее настроение: «торопятся все урвать, захватить, забрать, отнять, вытеснить и ограбить... И строятся, и лесу нарубают чуть не на десять годов. И хлеб зарывают в ямы, и вещи закапывают в пруды...»

Во время прогулки по Тригорскому парку Тимофеева слушала соловья «подле *бывшего* “дивана Онегина”...»

11 мая. «В Михайловском — огромная площадь порубки. Заваленная срубленным лесом аллея... Две ели Пушкина срублены в этой аллее. На “кругу” цветника,[57] вместо цветов, пасутся коровы...»

Тимофеева стала свидетельницей поимки дезертира Василия Иванова из д. Бугрово (семья выдала его добровольно, чтобы избежать жерв и изымания скота):

— Солдаты эти еще хорошие, — говорили тут же про них в избе, — обыскивали легко, сами только руками все перетрогали — искали, нет ли солдатских вещей — ничего не брали. А другие берут — что полюбится им, то и возьмут. Хлеб тоже отберут, если спрятать.

— Пропадаем мы все теперь! Ничего своего у нас нет. Жизни надо лишиться от такого житья! — говорили в избе у Петра по уходе солдат.

— Мне бы только ситцу давали! — отшучивалась бойкая, разбитная Наташа. — А то вот все станы ткём, да все белые. Красить нечем. Шишками теперь красим — горазд темный цвет, а лыком осиновым — как рябины выходит. Всё не то, что торговые.

12 мая. Из Опочки вернулся сосед Тимофеевой Е. И. Филимонов: привезли хлеб для своей артели «тысяч на 12». Им обещано «полное благополучие во всех смыслах»

Красноармейцы сбегают и прячутся в лесах и подвалах, оттого что «не кормят совсем» и «незнамо с кем воевать».

В Опочке «все призваны к общественным работам в полях и на огородах. Евгений Иваныч сам видел бывшего земского начальника

---

[56] В феврале 1920 г., после закрытия Северного фронта, солдаты были отпущены по домам. Вскоре началась мобилизация «на польский фронт».

[57] Круглая площадка перед домом усадьбы Михайловское, вокруг которой располагались остальные флигели. Липы с вязом в центре были посажены в 1899 г. Григорием Пушкиным, младшим сыном поэта. Во времена поэта тут росли желтая акация, сирень и жасмин.

Бороздина — “вилами разбрасывает навоз старенький старичок”. Все учителя и учительницы, одним словом, *весь город* участвует в общих работах. “Красиво смотреть, как букашки, рассыпаны по земле. Барышни — в модных костюмах...”

Село *Высокое* (верст 8 за Опочкой), куда посылали их за зерном и картофелем — настоящая благоустроенная “коммуния”. Всех пайщиков там 85 человек. Всё у них *общее*: касса, инвентарь, скот и земля, с выдачей отдельных пайков на каждого из участвующих. Амбары под тремя замками. Ключи — у председателя, секретаря и делопроизводителя, или *казначея*, заведующего денежной частью. По отзывам их, все довольны, не жалуются ни на что. На работы выходят с 5-ти часов. Перемен тоже не ждут ниоткуда, только — “*быть нам под Латвией*”. Именье это из бывших помещичьих, захваченное, но не разграбленное. Самого помещика крестьяне отстояли, и все вещи его целы. Дом усадебный двухэтажный. Сам помещик живет наверху, коммуна — внизу».[58]

13 мая. На двух автомобилях приезжали «беженцы» из Пскова: генералы «из бывших на войне *при Николае*», с ними «молоденькая черномазая барышня». Осматривали Михайловское и Тригорское. Генералы «давали понять», будто «что-то знают насчет перемены...»

22 мая. Тимофеева принимает участие в экскурсии по Тригорскому и Михайловскому великолуцкой школы 1-й и 2-й ступени по просьбе ее преподавателя, Николая Николаевича Боголюбского; чтение лекции.

26 мая. В бывшей конторе колонии с. Михайловского поселились 22 человека (коммунисты), приводят в порядок помещения и обустраивают для житья.

Вечером Тимофеева рассказывала троим специально к ней пришедшим солдатам (из санитарного отряда) о пушкинской усадьбе, о Вороничской крепости: приятная беседа с начитанными, интересующимися историей и литературой «юнцами».

29 мая. Тяжело болеет (слегла) жена о. Александра, матушка Мария.

7 июня. Была в Михайловском, списала со стен Домика няни надписи (из посещений 1919—1920 гг.).

Получила извещение от 5 июня из Отдела народного образования с предложением места «заведывающей Святогорской библиотеки им. А. С. Пушкина».[59] Подписано завотделом Масленниковым.

---

[58] Имение принадлежало дворянину Петру Александровичу Яновичу. В апреле 1918 г. в национализированном имении Высокое из бывших батраков образовалась коммуна с одноименным названием. В коммуну вступили 16 семей с 76 едоками, из которых 37 были трудоспособными. См. подробнее: *Филимонов А. В.* «Высокое»: от имения к коммуне. URL: http://opochka.ru/article/vysokoe-ot-imeniya-k-kommune (дата обращения: 11.05.2019).

[59] После революции культурно-просветительская и политико-массовая деятельность приобретала все большее значение и размах. В городах такими центра-

Тимофеева в ответном письме спрашивает о возможности выполнения ряда условий для вступления в эту «желанную и почетную должность»: 1) удобное помещение в Святых Горах для нее и ее библиотеки; 2) размер вознаграждения, определение рабочего времени; 3) наличие пайка (дровами, хлебом, солью и др. продуктами); 4) отсрочка «вступления в должность за невозможностью переезда в горячую рабочую пору».

8 июня. Была в монастыре у обедни. Практически никого у могилы А. С. Пушкина; встретила молодоженов: бывшего доктора колонии Е. С. Кобанову («Джиоконду») с мужем.

12 июня. Приезд Анны Дмитриевны Шелгуновой, встреча ее с Тимофеевой. Новости для Тимофеевой: ей назначили две тысячи единовременного пособия от Литературного фонда. Н. А. Котляревский получил ее письмо о сдаче рукописи, но саму рукопись отвезет ему Никифоровский.

Узнав о приезде «дериглазовской барышни», «не здешние» коммунисты окончательно разрушили часовню в Дериглазове. «Икону вынесли в отхожее место в сторожке у железнодорожного моста и ругались над ней. “Бабы тут нарисованы!” А в Петрограде, на пасхе, в крестном ходе участвовали “все веры”, кроме магометанской и иудейской».

Наталья Княжевич вышла замуж за военного, поляка Владислава Сигизмундовича Волечек.

15 июня. «Вчера весь день в Святых Горах в поисках квартиры — безрезультатных — и я в положении *ни здесь, ни там.* Тысяча подвод, говорят, вытребована в Опочку для вывоза вещей и учреждений. Заведующий наробраза, Г. И. Сидоров, хлопочет о моем водворении в Святых Горах, но все квартиры вокруг заняты военными. Даже больница! Даже монастырские здания!»

17 июня. Из Опочки приехали В. М. Никифоровский с женой, Е. Н. Кудрявцева и две молодые учительницы, привезли «приношения» от четырехсот учащихся и учителей: «Рожь, ячмень, горох, мануфактура, деньги...» Ее радует «перспектива совместной жизни в Святых Горах, когда там организуется вторая ступень и Никифоровские переедут туда из Опочки. Вчера же получен и благоприятный ответ из отдела. Сегодня Анна Дмитриевна принесла известие от А. Т. Смирнова (библиотекаря): комната освободится на днях у Харенских, с уроками за стол».

ми являлись клубы и красные уголки, а в деревнях — народные дома, открытые в бывших имениях, и избы-читальни. К концу 1918 г. в Псковской губернии насчитывалось 634 культпросветучреждения, а в 1921 г. в деревнях действовали 1326 изб-читален (см.: *Иванов Е. П., Колосова И. О., Колотилова С. И.* Псковский край в истории России. 2-е изд., испр. и доп. Псков: Изд-во Псковского обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2001. С. 205).

В Вороните хоронили солдата, который «глушил рыбу ручной гранатой и по неосторожности и неумелости изуродовал сам себя. <...> И на засыпанной дружно могиле воткнули несколько веток, а на палке повесили красный флаг — вместо креста».

19 июня. «Объявлено — жителям городища по преимуществу, что завтра будет *стрельба с железнодорожного моста на вышку,* как проба фронтового ученья. Населению предлагается уходить отсюда часа на два, на три».

20 июня. Стрельбы практически не было (два-три «неумелых» выстрела). В Святых Горах стреляли с самого рассвета.

21 июня. Стреляли весь день: сначала из винтовок, потом из пулеметов.

В Святых Горах — «всем надоевшие солдаты, из них множество нечистоплотных татар (из-под Казани 6-я бригада). Много больных, тифозных по преимуществу. В больнице все занято».

Молодые женщины-врачи, успевшие побывать в Михайловском, хотели узнать, где тут «имение» Ленского? «Это, очевидно, легенда о могиле его на Савкинской горке...»

22 июня. Стрельба «порядком изувечила наши исторические “вышки” и насыпи. Ребята и взрослые весь день собирали осколки пуль и разрывных снарядов. В полосе мишени работавшие на вóзке позема вынуждены были ложиться на землю».

1 июля. «Действительная жизнь — слухи о новых расстрелах. Вчера в Святых Горах расстреляли Крыловского (из д. Крылова) прапорщика — за дезертиров (скрывал их!). В доме скрываемого разорили всю семью, расстреляли овцу и корову (!). Дезертиров выгоняют плетками. “Дисциплина пошла”. Вагон мертвых тел провезли во Псков, 250 раненых — в Святых Горах».

Тимофеева голодает третий день.

4 июля. «Тригорские липы вторично цветут...»[60]

«Шпиономания» — распространенное явление у поляков, «застрявших» в России.

Врач, осмотревшая матушку Марию, пришла к выводу, что у нее киста, срочно нужна операция.

Из Петрограда в Святогорскую богадельню привезли изголодавшихся пожилых интеллигентов, с которыми Тимофеева случайно встретилась по дороге из Святых Гор.

5 июля. «За соль берут теперь уже золотом (2 пуда за один золотой), и патрули пропускают не иначе как за взятки — деньгами или продуктами». Много беженцев из Петрограда, ищущих пропитание.

---

[60] Подобное явление в ботанической литературе не описано. Скорее всего, оно связано с тем, что липы различных видов цветут не одновременно. Также возможно, что сначала наиболее интенсивно цвели деревья, которые расположены на солнечных, открытых участках парка, а теперь наступила пора цветения в тенистых местах.

11 июля. Тимофееву пригласили на щедрые поминки после похорон крестьянина Кузьмы Романова из Носова, в доме семьи которого остановилась Анна Дмитриевна.

Жена о. Александра помещена в новоржевскую больницу.

12 июля. В 11 часов собрание союза работников просвещения («рабпроскульт»), Тимофеева участвует как члена союза. Обсуждается Устав союза, Никифоровский снят с должности председателя союза. Писательница отказалась от предложенной ей роли председателя, а также от самого членства и роли «корреспондента», сославшись на малоопытность в комитетской работе. Объективной же причиной такого поступка послужило заявление новой власти, прочитанное ею в газете, что «интеллигенция должна находиться под бдительным надзором политических работников, которые должны поддерживать в своих рядах дисциплину».

Федор Борисович Борисов, инструктор, жалуется на «умственную апатию» учителей, называя это «саботажем».

Вечером сцена, наблюдаемая Тимофеевой из окна комнаты: поймали дезертира, спрыгнувшего с поезда в реку, били до самого поезда, ожидавшего развязки ситуации за мостом.

Воспоминания Тимофеевой о рассуждениях по поводу идей социализма в конце 1870-х гг., сравнение с сегодняшним «социализмом».

20 июля. Получила официальное извещение о назначении «вторым библиотекарем» в Святых Горах,[61] с приглашением «явиться к месту службы». Свободного же помещения для жилья до сих пор нет.

22 июля. Военные могут занимать две служебные квартиры (например, комиссар Хватов имеет квартиру по месту службы в Опочке и для семьи в Святых Горах, хотя его родня живет в соседней деревне). Прошение Тимофеевой о жилье снова проигнорировано.

По делу об образовании артели в Дериглазовской усадьбе у Анны Дмитриевны возникли сложности: «коммунисты, захватившие землю, ездили в Опочку и получили утверждение на образование артели. Теперь и ей предстоит борьба. И ей надо ходить без конца в Святые Горы, подавать заявления в Опочку. Все эти заявления принимаются и откладываются... <...> Потом забываются, вновь вызываются. “Действовать можно только лично, стоя у них над душой...” Дедовцевы и носовцы только подавали заявления, а еременцы и коммунисты ездили сами в Опочку и *нажимали* и, вероятно или наверное, *смазывали. Ну, и получили, что нужно*».

25 июля. Утром о. Александру сообщили о смерти жены в больнице.

Воспоминания о ее жизни (со слов самой матушки Марии).

---

[61] Тимофеева была вторым библиотекарем, принятым в эту читальню, при этом исполняла обязанности заведующей, что отражено в документах ее личного архива (РО ИРЛИ, ф. 425).

27 июля. «Дериглазовской барышне ничего не дадут. Прошедший раз потешались над ней в комитетах. Из одного в другой посылали. Пусть, говорят, походит теперь. Прежде, говорят, на паре к крыльцу подъезжала, — пусть узнает, как *мы* к *ним* хаживали да у крыльца ждали...»

30 июля. О. Александр обосабливается ото всех «*для спасения*», ест и пьет в одиночку: «замышляет постройку себе кельи в амбаре, для чего собирается разрушить общую плиту и печурку, чтобы там, в амбаре, поставить печку для бани и для жилья».

1 августа. «Батюшка наш совсем непонятен. Всех запугал своими поступками. Встает в 2 часа ночи, бродит по дому и что-то бормочет. Днем ходит насупленный, отбирает мебель, посуду и запирает на ключ».

К о. Василию приехали из Иркутска дочь, зять и внучка. «Зять из полковых дьяконов, volens nolens,[62] попал в коммунисты (иначе не прожить) и прошел уже три курса общественного факультатива». Рассказ об их жизни во время революции.

2 августа. Тимофеева голодает. Батюшка не дает пользоваться даже самоваром.

Вчера к о. Василию приходили двое солдат, что вызвало переполох: ожидается реквизиция швейных машин в пользу швальни, организуемой в Святых Горах. Но солдаты зашли «попроситься обедать». Их накормили: «Пока нам, красноармейцам, живется хорошо, мы будем защищать и поддерживать. А когда надоест или совсем плохо станет, тогда мы восстанем».

6 августа. Тимофеева отчаялась в поисках новой квартиры: «Ни здесь, ни в Святых Горах не найти ни приюта, ни помощи. А в Опочку теперь не уехать. Да и там не устроиться мне. Никто теперь нигде не может устроиться».

ТОМ *5*

7 августа. В Святых Горах писательница встретила опочецких делегатов всероссийской конференции («такие юнцы!»).

Харенский Алеша[63] хлопочет о «красноармейском» пайке для Тимофеевой «тысяч в тридцать — за переписку театральных ролей для их музыкально-артистического кружка», что сомнительно из-за большой конкуренции. Он живет в двух больших комнатах и занимает «пятнадцать должностей сразу», иначе заберут в город, а здесь у него

---

[62] Волей-неволей, хочешь не хочешь (*лат.*).

[63] *Харинский Алексей Александрович* — брандмейстер (начальник) организованной в 1920 г. профессиональной пожарной команды. Его отец Александр Иванович и дядя Харинский Павел Иванович (владелец лавки) состояли членами совета Вольного пожарного общества Опочецкого уезда с 1905 г.

земля и семья. «И оттого бумажные “дела” у него всех родов: пожарное, театральное, санитарное “дело” лежат кучами на разных столах».

Из-за пайков «люди записываются теперь даже и в коммунисты, принимают на себя всякие работы — “мобилизируются” в штабы, клубы, театры... И уж таких театралов святогорские “буржуи” остроумно прозвали *селедочниками:* за каждый спектакль им выдают по паре селедок, по фунту хлеба, да два куска сахару и $^{2}/_{3}$ осьмушки *настоящего* чая. Времена и нравы! Еще бы не записаться! Такие редкостные сокровища в голодной нашей совдепии!»[64]

Стоявший в больнице рояль бывшего врача больницы, М. П. Карповой,[65] «один из таких театралов», член исполкома, Федор Иванович Иванов отобрал («от буржуев») для красноармейского клуба, устроенного в неосвященном приделе монастырской церкви.[66]

19 августа. Переезд Тимофеевой в Святые Горы, в дом о. Михаила Белгородского.[67]

24 августа. «Бедствую и зову: да мимо идет чаша сия! Все привычки нарушены: живу *вместе* с чужой семьей, хожу *за едой* в чужие дома... Без моих книг, без всяких удобств в обстановке. Только ширмами отгороженный угол возле окна. Посылаю заявление в отдел о выдачи мне порции из Детского сада, и говорят (мои сожители), что этого *не разрешат мне.* Тогда... опять бери суму свою и ходи по избам за подаянием, голодная, усталая, беспомощная семидесятилетняя старуха... И прощай, свобода! Прощай, литература! Прощай, жизнь!

---

[64] Эпизод говорит об уровне культурных мероприятий, когда любой желающий мог записаться в «коммунисты», чтобы получать за дополнительную занятость надбавку. Местные газеты постоянно сообщали о новых постановках, обсуждался репертуар, игра актеров, даже режиссерские методы. Поднимался и вопрос занятости непрофессиональных актеров после рабочего дня: создание так называемого пролетарского театра вместо буржуазного (см.: Опочецкая коммуна. 1918. 14 дек. № 1).

[65] Существует свидетельство об еще одном рояле, хранившемся в местной Святогорской больнице: в уведомлении от сотрудника областного отдела охраны памятников старины архитектора В. Нилендера, написанного 15 окт. 1920 г. для сотрудников святогорского отдела народного образования говорится о необходимости особой охраны «Пушкинского» рояля из Тригорского (Архив ПЗ, № 7-Д 20).

[66] Местом организации драматических коллективов, кружков, студий служили клубы, часто помещавшиеся в закрытых храмах. Видимо, желающих было немало, поскольку в 1921 г. в Псковской губернии действовало 76 таких самодеятельных театров (*Иванов Е. П., Колосова И. О., Колотилова С. И.* Псковский край в истории России. С. 207).

[67] *Белогородский Михаил Симеонович* (1855 — после 1925) — протоиерей, происходил из духовенства. После окончания Псковской духовной семинарии служил псаломщиком в Новоржевском уезде, священником в погосте Толвицы Псковского уезда. В Пятницкую церковь (Церковь святой великомученицы Параскевы Пятницы рядом со Святогорским монастырем; разрушена в годы Великой Отечественной войны) слободы Тоболенец переведен по собственному прошению в 1885 г.; в кафедральном соборе 15 мая 1916 г. за литургией Архипастырь возвел Михаила Белогородского в сан протоиерея священника селения Святые Горы.

В единственное окошко с выбитыми стеклами через запыленную дорогу смотрят монастырские деревья — такие же старые, высокие, запыленные, внизу засыхающие. Белеют зубцы ограды. За ней — близко, на подъеме горы — могила Александра Сергеича. А по ту сторону церкви, у монастырских ворот, спит спокойно другая «михайловская старушка» и «литераторша» — Надежда Владимировна Яковлева-Ланская».[68]

Приехали Ксения Михайловна Яковлева, преподаватель русского языка в гимназии им. А. С. Пушкина г. Опочки, и ее 14 учениц, расположились в Детском саду, читают повести Тимофеевой «Очерки прошлого» и «В шестидесятых годах», с которыми она в отрывках знакомила их в Опочке). Тимофеева у них в гостях: «закидали вопросами *обо всем*, и у всех жадно при этом горели глаза».

29 августа. В библиотеке весь день пробыли заведующий опочецкой библиотекой (К. С. Житков) и заведующий внешкольным отделом (Николай Васильевич Белов, бывший командир взвода пулеметной роты).

Знакомство с семьей Данилова (?) Александра Порфирыча (слесарем) и его женой Ольгой Михайловной Шахновой-Даниловой.

1 сентября. Тимофей Иванович Русин, преподаватель 2-ой ступени по физике, химии и математике, заехал к Тимофеевой за рукописью «Шесть лет в селе Михайловском» по поручению В. М. Никифоровского, который едет в Петроград и передаст ее в Пушкинский Дом.

20 сентября. Тимофеева передала бóльшую часть своих книг библиотеке: «Записываю книги мои в каталог, перебираю страницы — а там цветы, листки моих записей, отметки пережитых восторгов, страданий и дум... Терзаюсь, жалею этих брошенных, отданных на чужбину друзей моих, этих свидетелей моей жизни...»

О саде Алексея Ивановича Бакусова, где иногда отдыхала Тимофеева.

24 сентября. Тимофеевой разрешено Отделом наробраза обедать в Детском саду. По дороге она встретилась с Марьей Ивановной Тернер, «петроградской дамой» (инструктор библиотеки *баш-бригады,* стоящей на отдыхе в Острове). Она говорила, что бригадные собирались приглашать Тимофееву «прочитать курс о Пушкине»: Тимофеева накануне ездила с ними в Михайловское, «и этот комендант, юный крикун, грозил сторожам и крестьянам расстрелом за погром “святых мест”. Мне с трудом удалось успокоить его. И вот с тех пор я для него “интереснейший человек” и он “решительно от меня в восторге...”».

25 сентября. Владимир Иванович Нилендер[69] привел в библиотеку и познакомил Тимофееву с «небездарным певцом из народа» (по

[68] Тимофеева указывает место захоронения писательницы; ранее ошибочно: кладбище на Тимофеевой горке (см. выше).

[69] *Нилéндер Владимир Оттонович* (1883—1965) — переводчик, поэт, литературовед, организатор музейного и издательского дела.

мнению К. М. Яковлевой), с поэтом Никандром Алексеевым,[70] который пожертвовал читальне два экземпляра своей книги. Он торопился и выразил сожаление, что не может «поговорить» с Тимофеевой, о которой «давно много слышал».

Приехавший погостить сын о. Михаила, Валентин Михайлович Белгородский (хирург в Старой Руссе), сообщил Тимофеевой «как литератору, *интересную* новость: "В доме Достоевского, в его кабинете, теперь *помещен шоффер*"».

13 октября. Тимофеева тяготится тесной жизнью с соседями, политическим анкетированием. В «Псковском набате» (№ 372) она прочла, что в селе Вассиво открыт «дом старости, не обеспеченной ни продуктами, ни квартирой, ибо "советская власть, даже в условиях полной хозяйственной разрухи находит возможным оказывать помощь всем в ней нуждающимся: она помогает детям во имя будущего, инвалидам и старикам — за прошлые труды..." Я с чувством прочла это вслух в библиотеке, а сидевшие там чтецы подняли все это на смех. "Открыли, как же! На бумаге или разве на несколько дней. Через неделю все пойдет насмарку... Дело всем известное!"

«Тяготит и назначение меня от уезда в "охрану старины и культуры". Почет мне ненужный, и что я могу охранять, когда все уж разрушено и во мне, и вокруг!»

23 октября. «На днях потеряла сумку с деньгами и с нужными вещами — ключи, очки, карандаши, записная книжка, денежная повестка на мое имя... Потеряла по дороге из исполкома на службу в библиотеке, где меня ждал целый отряд допризывников, которым надо было рассказывать о Пушкине...»

«В библиотеке просят теперь "почитать — *что было прежде*". Все хотят знать наше прошлое. Все утратили почву под ногами...»

24 октября. О. Михаил надеется на близкий переворот: «И будет резня... И всех *их* вырежут... Весь народ, все мужики недовольны... Один старик мне сам говорил, кого первого своими руками убьет...» Тимофеева сомневается: «И ничего этого не будет. Все они — "переодетые": сегодня они коммунисты, завтра будут монархистами. И обратно. Не *дух*, а *шкура* — во всех современных селовых и местечных деяниях. Все *в масках*. Ветер подует в лицо — маски долой! Сами все разбегутся. А батюшки только тешат себя напрасной надеждой: "авось не вернется ли старое доброе времечко"».

29 октября. «Уже четвертый день как я в отдельной комнате, в зале о. Михаила. Отдельный ход, большая удобная печка, четыре окна. Свет, простор, тишина!»

30 октября. Тимофеева председательствует в комиссии по охране «Пушкинского уголка», «подала уже голос о признании его "заповед-

---

[70] *Алексеев Никандр Алексеевич* (1891—1963) — поэт, уроженец Опочецкого уезда (Сине-Никольской волости), старший унтер-офицер Русского экспедиционного корпуса во время Первой мировой войны, в 1920 г. вернулся из плена.

ным имением” и буду читать о значении Михайловского как памятника “былых вдохновений”».

5 ноября. Обыск у о. Михаила по обвинению в контрреволюционной деятельности, домашний арест.

6 ноября. По требованию политбюро его в ночь увезли в Опочку.

8 ноября. Батюшка в 6 утра вернулся из Опочки. Ночевал в тюрьме вместе с двумя другими священниками. Народ воспринял этот случай как факт мученичества: «Пострадал! <...> Чахоточный, всегда раздраженный на кого-нибудь Зуев, бывший псаломщик его, теперь коммунист, доказывал мне вчера в библиотеке: “Давно бы надо его в шлиссельбургскую засадить. Одной рукой молитву творит, другой — в карман полтинник сует. Фунты собирает пудами — и все ему мало. Всё жалуется на бедность... Всё народ виноват, худо платит”».

Крестный ход (в первом часу дня) через всю слободу с иконой Параскевы-Мученицы (приходский праздник 28 октября) во главе с о. Михаилом, «а потом пойдут по деревням, в так называемое здесь “праздничное”». Ночью, после всенощной, также крестный ход.

Деньги не имеют никакой цены и «не ходят нигде», любой труд оплачивается продуктами, прежней «ругой» или «натурой».

О рабочих отношениях между А. Т. Смирновым и Тимофеевой в библиотеке.

25 ноября. «Со вчерашнего дня на дверях в библиотеке и на стенах у разных домов расклеена афишка о сегодняшнем представлении.

“Кинематограф” — четверг 25 ноября.
В 5 час<ов> вечера.
“Заговорила кровь”. Драма в 4 част<ях>.
“Спорт Швеции”. Видовая.
После сеанса литераторша
В. В. Тимофеева
прочтет лекцию на тему:
“Культура и памятники былых вдохновений”
Цены местам: 60 руб., 30 руб. и 15 руб.»

Выступление Тимофеевой («мои мысли, плод размышлений моих над жизнью и совершающимися событиями»): заведующий, член наробраза, Г. И. Сидоров, провел ее на сцену, «поставили столик и стул; зажгли электричество».

26 ноября. Тимофеева в своем роде «святогорская достопримечательность», ее узнают на улице, здороваются незнакомые крестьяне.

Константин Сергеич Житков из Опочки посетил еще раз: нравственное «родство» с Тимофеевой.

28 ноября. Описание ее бытовой жизни. Ее мироощущение: «Здесь вокруг — мертвецы. Всюду здесь мертвечина: в школах, в церкви, в театре, в частных домах... Прошедшее умерло, но я *могу* его воскрешать. Новое еще не родилось... Только кричат о нем, бьются *за него* и *не знают* его».

4 декабря. «До чего осатанел теперь здешний народ — уму невероятно. Недавно вот тут у нас, в исполкоме, приготовлялись раму украсть со стеклами. Ну, их заприметили. Раму заколотили. Так что же они сделали? Вчера ночью нагадили на подоконник! Вот, дескать, вам, угощайтесь за наше здоровье!

И все хохочут. И никого это не возмущает: в порядке вещей...»

7 декабря. Стужа в комнате и в библиотеке. «Учреждения закрываются по недостатку топлива...» Отказы исполкома в дровах, и в ответ на жалобы писательницы, обещание устроить ей великолепные похороны с музыкой.

13 декабря. «Видно, еще нужны мои силы и немощи здесь, на земле, если поддержка является вовремя. Дрова не только доставлены мне, но сегодня уже напилены и расколоты, и наполовину перенесены к самым дверям».

Вместе с Ильей Григорьевичем из Березина (сторож Михайловского), который и привез ей эти дрова, ходила в милицию заявлять о четвертой порубке в Михайловских рощах.

14 декабря. Тимофеева упоминает о могиле няни, захороненной рядом с Ганнибалами и А. С. Пушкиным: «Крест няни — точно печерский угодник — ушел наполовину в землю...»[71]

18 декабря. Новые валенки стоят не меньше 30 тысяч руб.

22 декабря. Тимофееву вызывают на съезд для доклада о ее деятельности: «Сами ничего не делают, только рассылают все эти приглашения и вызовы, предписывания да предложения. И чтобы *в 24 часа* выросло повсеместно в России культурное просвещение, чтобы процвел ненавидимый всеми здесь коммунизм, чтобы воры, пьяницы, взяточники и мошенники превратились в самых ярых защитников, провозвестников».

Везде бюрократия: «Чтобы достать для общежития 2-ой ступени ножик и вилку, надо исходить 12 канцелярий и получить от каждой по 12 бумажек на право получения этих ножа и вилки».

1 января 1921 г. «Новый заведующий наробраза, Иван Кириллов из д. Кошкино, *малограмотный* коммунист. При нем член в секретарской должности, грамотный Михаил Никифоров из д. Забоева («из

[71] Подобное ошибочное предположение высказал И. Щеглов — о том, что в Опочецком уезде держатся предания, «будто бы безымянный простого тесаного камня крест, находящийся по правую руку могилы Пушкина (между памятником Пушкина и памятником игумена Святогорского монастыря Геннадия), и есть тот крест, о котором аллегорически вспоминает Татьяна» («Где ныне крест и тень ветвей Над бедной нянею моей»). В 1928 г. В. И. Чернышев писал, посетив Михайловское, «что есть предание, будто няня жила, но не ужилась с Павлищевыми и вернулась Михайловское. Там же она будто и скончалась и похоронена в Святогорском монастыре близ того места, где впоследствии был похоронен поэт, но могила не сохранилась» (см.: *Ульянский А. И.* Няня Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 59—60).

жандармов», по собственному признанию). Отдел народного образования помещается рядом с библиотекой, и все посетители его постоянно толкутся у нас, отнимая и время, и место. А на библиотекарей возлагается еще новая обязанность: сверхурочные два часа в день посвящать на обучение взрослых (ликвидация безграмотности). А учителя *гуляют*!»

Тимофей Иванович Русин, «святогорский жихарь», переехал в монастырский корпус с семьей, продуктами, библиотекой и физическим кабинетом для «хозяйничанья».

Жалованье библиотекарям задержат до апреля, потому что учителям выдано за просроченные месяцы.

«Спички выменивают здесь на молоко и свинину. Спички на паек выдают только тем “у кого нет посева” (как будто имеющие посевы сеют и спички!)...»

13 января. Долгожданный приезд Никифоровского.

14 января. «Дома — 6 градусов тепла и опять целая куча всяких хлопот с печкой, с кипятком и холодной водой и пр. Ложись в гроб живой и помирай! В голове ничего не занимается, совсем ничего. Не знаю, смогу ли я приготовить лекцию о Пушкине к 29-му января. Думать, читать про него — *для себя* — радостно и мило. Но для здешней публики!»

«В исполкоме все пьяны. За самогон добывается там у них все: рыба, сахарный песок, керосин и дрова. Самый лучший паек выдается по кумовству».

Пущен слух о близкой кончине мира. «Слышали, в Опочке лекцию читали: через пять лет Марс опустится на Землю? Стоит ли хлопотать теперь, добиваться, все равно все погибнем...» «Слышали, говорят, Марс горит?» А лектор в Опочке, говорят, повторил только вычитанное в газетах научное сообщение: «Орбита Марса приняла другое направление, кольца Сатурна отошли на ю<го>-в<остоке> на 60 градусов».

«Привезли керосин для волости. Три бочки оказались *замерзшими:* похищенный керосин заменили *водой*».

«Учитель Алексей Федорович, член нового союза Рабпроскульт (с которым мы так часто беседовали в Вороните на социальные темы), записал в декабрьскую ведомость паек (мануфактура и соль) на новорожденную (еще *не родившуюся*) дочь Елену. А у него в самый день рождества родился *сын* и в комитете исполкома окрещен *Олегом*».

«Ликвидация безграмотности объявлена еще летом. Но тогда некому было подумать о ней. Весь учащий персонал услан был на статистическую перепись вплоть до глубокой осени (до октября). В непогоду, распутицу, под проливными дождями, пешком, полубосые и совсем босоногие ходили из деревни в деревню учителя и учительницы, ча-

сто не имея куска хлеба в кармане и вместо угощения подвергаясь обидным насмешкам и оскорблениям. Теперь их морят стужей в холодных школах без дров, без керосина, впотьмах, без учебников... А библиотекарей и всех грамотных вообще отрывают от их собственных дел и привлекают к обучению взрослых, желая в две-три недели наверстать неисполненное *веками*!

Народ по-своему протестует на все это бесконечными виршами. Появился какой-то слепец, распевающий самим им сложенную рапсодию. О. Михаил говорит: "Листов пять чудесно сложено самородком-поэтом. И в таком духе, что на похоронах, на поминальном обеде, люди держались за животы от смеха. И все правда! Хотел пропеть в Опочке всем коммунистам в лицо («Пусть, говорит, посадят, ничего, все равно я слепой!») но ему отсоветовали"».

11 февраля (по ст. ст. 29 января). «29 января всё-таки справила "пушкинские поминки". И панихида ("Соборне") на могиле "болярина Александра", и хор монастырских певчих, поблагодаривших меня в свою очередь за то, что "вспомнили нам..."

— А нам не влетит за это? За то, что служить будем? — спрашивал меня у себя в келье (в саду кладбища) благообразный и благодушный о. Исаак, езжавший к нам когда-то в Михайловское. И мне же пришлось успокаивать робкого или запуганного монаха обещанием принять на себя всю ответственность... Вот времена!

Из молодых учителей и заведующих на панихиду никто не пошел. Только мы, старые "интеллигенты", в числе трех лиц (Преображенский,[72] Серебрянский[73] и я) стояли у могилы. И было солнце над могилой, и яркая зелень сосновых и еловых ветвей на блестящем снегу... И что-то свежее, живительное в воздухе, и что-то сродное поэзии в наших "староинтеллигентских" сердцах...

А вечером — чтение, декламация и ученический хор в помещении 2-ой ступени. Все это было "ново" и "необыкновенно" для здешних жихарей, привыкших все торжества заканчивать балалайками и танцульками.

А на другой день все, с кем ни встречусь, благодарят и уверяют, что "было так всем хорошо, что не хотелось уходить". Хор "Брожу ли я вдоль улиц шумных", исполненный чистыми детскими голосами, напоминал похоронное отпевание. Но сам Пушкин как живой стоял между нами... "И это я, я воскресила его тут для всех!" — думалось мне

---

[72] Вероятно, *Преображенский Иоанн Петрович* — сын диакона Покровской церкви г. Остров, священник Ильинской церкви погоста Добрывидки Псковского уезда (1908).

[73] *Серебрянский Николай Ильич* (1872—1940) — профессор Православной народной академии (1917), сын И. Серебрянского, протоиерея храма в д. Крекшино, Новоржевского уезда Псковской губернии. В 1921—1923 гг. преподавал в педагогическом техникуме в Святых Горах.

под звуки любимых моих стансов, и слезы туманили мне глаза и радостью, счастьем кипели на сердце...»

20 февраля. — Беспросветность, заботы, тревога, усталость. Ликвидация безграмотности — «что-то бестолковое и несуразное...»: «на улице вечером бабы — уже пожилые — идут и бормочут: *А-а! у-у*! Эва, две буквы заучили, слава тебе, Господи! Увидела меня одна и жалуется: "Памяти нет совсем, барыня. Пока домой иду — позабуду. 35 годов мне. Поздно начинать-то учиться, милая. Не до того нам"».

«На сходках выборных в Депо творится нечто невероятное. Общий галдеж. Не дают никому слова сказать, кричат все разом: "Не дадим! Не позволим! Не хотим!"»

24 февраля. «Слободские жители жуируют[74] здесь как ни в чем не бывало. Театр и кинематограф, игра в лото, угощенье пшеничными пирогами...»

В отдел наробраза назначен новый заведующий (третий за полгода работы Тимофеевой) — малограмотный «простой мужичок» из д. Бурлово.[75] Его секретарь — мальчик лет четырнадцати. Заведующий умеет ставить только свою подпись.

1 марта. Секретарь болеет вторую неделю, заведующий, «видимо, скучает бедняга, сидя как под арестом в своем отделе. И то вздыхает, то зевнет во все горло, то остановится на пороге и смотрит на нас, и слушает, с добродушно-поощрительной улыбкой. Эта новая должность, видимо, тяготит его, как докучная обуза, от которой он не нашел еще средства избавиться. "Газетки бы мне старенькой покурить!" — застенчиво признается он, под конец».

3 марта (запись после 5 марта). Новости о Ф. О. Княжевиче, сыне К. Ф. Княжевич: сумел выбраться во Францию.

Разговоры о назначении Жарова.

4 марта. Обсуждение нового назначения бывшего заведующего наробраза (около месяцев двух): «Изгнанный сельским (кошкинским) сходом, <Иван Кириллович> Жаров назначен *государственным контролером!* Как это объяснить? Виновный в нарушении законов (отбирал сено и лес у крестьян *для себя*) назначен *блюстителем законности!* Не для того ли, чтобы *подстать всем остальным* вершить ту же политику "коммунистического поравнения": набивать пустые карманы... *свои* и *своих*».

Крестьяне в открытую протестуют и отказываются выдавать семена для «коммунального» посева, поскольку понимают, что все семена разворовали исполкомцы.

5 марта. В Пскове обезоружен территориальный полк за то, что не пошел на усмирение восставших рабочих.

14 марта. Начало Великого поста: в Святогорском монастыре начались «чудесные» службы.

---

[74] Жуировать (*устар.*) — вести праздную, полную удовольствий жизнь.

[75] Деревня в Опочецком уезде, входит в состав Болгатовской волости.

20 марта. Поезда не будут ходить даже до Опочки из-за отсутствия топлива и транспорта. «Из Опочки прислано распоряжение: за пайками не ездить, получать их на месте, в кооперативе. А в кооперативе ничего нет. Библиотекари получили требование — к *концу марта* представить *февральский* отчет, с угрозой приостановить выдачу жалования и пайка. А *отчет послан в первых числах марта.* Третья бумага — напоминает о *желательности* празднования дня Парижской Коммуны (18 марта), с чтением о ней — получена *на другой день* самого празднования (19 марта)».

Один из рабочих при Святогорском монастыре, командированных Комитетом труда в Чесменскую богадельню, вернулся обратно «за неимением работы и продовольствия», там устроена рабочая мастерская «на коммунистических началах: двое рабочих и человек пятьдесят надзирателей над ними в канцелярии ("и все жиды"). На церкви вместо креста водрузили молот и серп».

22 марта. По рассказам Александра Тимофеевича: недавно Осип Семенов из Носова «плакался в исполкоме, что ему житья нет от деревенских парней. Поют озорные скверные песни про коммунистов и обзывают его "коммунистом", когда он "совсем не коммунист", и просит исключить его из тригорской рабочей артели, а на двери своей просит разрешить ему поместить объявление о выходе своем из партии коммунистов».

6 апреля. В. В. Философов[76] разыскивает В. В. Тимофееву: его открытка пришла с запросом о. Василию Черепнину, в Воронич с запросом о судьбе ее и села Михайловского.

7 апреля. На праздничной службе после всенощной «невыносимая давка и все время снующая взад и вперед толпа зевак и любителей праздничных зрелищ и крестных ходов». Тимофеева не выстояла обедни.

8 апреля. Проталиан Владимирович Вяхирев, полковник штаба топографов, и его жена Матильда Николаевна, помогают Тимофеевой дровами, продуктами, вниманием, т. е. помогают выживать (в течение всей зимы и весны).

«Новые буквари коммунистов для ликвидации безграмотных с наглядным выражением новых основ РСФСР (на тему крушения старого мира и нарождения нового) встречаются населением неприязненно. Дети с неудовольствием отворачиваются. Взрослые глядят на них с неохотой или прямо оплевываются». Учительницы вынуждены обучать по старым учебникам.

---

[76] *Философов Владимир Владимирович* (1857—1929) — с конца XIX века губернский предводитель псковского дворянства. По его инициативе на собранные по подписке средства у младшего сына Пушкина была приобретена в общественную пользу усадьба Михайловское с целью открытия в ней «какого-либо благотворительного учреждения». Почетный попечитель Михайловского и колонии для престарелых литераторов им. А. С. Пушкина.

В библиотеке частые просьбы «дать таких книжек, где бы про старую жизнь нашу писано...».

13 апреля. В Петрограде расстреливают матросов. В Опочке — аресты и обыски. Шпионы вокруг. Все говорят только шепотом на ухо.

24 апреля. Анну Дмитриевну Шелгунову Педагогическая школа пригласила в Святые Горы для преподавания уроков музыки и французского языка. Она согласилась, «но исполком грозит "казенной квартирой" — арестом и высылкой "бывшей помещицы"; и, вероятно, она не приедет».

25 апреля. Началась Страстная неделя. Бывший дьякон («сегодняшний иерей») читал Евангелие «себе под нос»: «Ни чувства, ни выражения, по обычаю».

6 мая. Вяхирева переводят в Ростов-на-Дону, его жена предлагает Тимофеевой переехать с ними: «дадут мне отдельную комнату и полный покой, и свободу для моих писаний... Что это: рука Господня или соблазны лукавого? Нет, от своей судьбы не уйдешь». Тимофеева отказывается.

8 мая. Тихон Федорович, «любимый учитель» Тимофеевой, застрелил из ревности Николая Ефимовича Алексеева, своего двоюродного брата, только что вступившего в должность заведующего наробраза. Это произошло «на гулянке» в д. Вече, где живет «предмет их общей страсти», учительница Лукашева.

12 мая. В библиотеку заходил профессор Н. И. Серебрянский, беседа Тимофеевой с ним о гонениях на интеллигенцию и ее настроениях.

Вечером виделась с убийцей-подсудимым и читала у судебного следователя его показания. Размышления Тихона о своем поступке.

16 мая. Тимофеева после прогулки в Михайловское, где ей попутно пришлось рассказывать двум приезжим интересующимся солдатам о роде Пушкина, констатирует: «Совсем зверята-дети, совсем тупые животные-взрослые. И все идут с громадными пучками сирени, которую рвут и бросают потом себе под ноги. Сирени в нынешнем году там гибель, но под кустами — свалка нечистот, отхожее место. Это наследие помещенной здесь трудовой артели».

Тимофеева, осознавая собственную беспомощность в делах по охране Пушкинского уголка, хочет уйти с председательской должности комиссии по его охране[77] и выйти из ее состава, но от Наробраза ей была послана «бумага с просьбой не оставлять комиссии».

---

[77] О сложности работы в Комиссии В. В. Тимофеева в конце 1921 г. писала: «Комиссией предприняты некоторые меры. Наняты сторожа, реставрирован Домик няни, подан проект о провозглашении Михайловского имения заповедным, сделано заявление Центротделу о высылке землемера для определения парков Тригорского и Михайловского с сохранением планов общих имений, намечены и некоторые другие мероприятия. Но одна комиссия не в состоянии осуществить

17 мая. «Опочецкий делопроизводитель Хватов, бывший совместитель двух квартир (одну — в Опочке, другую — у о. Михаила), явился сегодня с тремя милиционерами в запертую на замок квартиру (квартиранты ночью выехали в двухмесячный отпуск) и, сломав замок, вошел — чтобы занять помещение. Вот что значит быть родственником или "свояком" председателя исполкома. Батюшка с матушкой удручены и не смеют ничего сказать. *Собственности не существует!*»

«В отдел наробраза <...> назначен заведующим 15-летний мальчуган "Толя" (из монастырских служек, сирота), а секретарем к нему — такой же "подросток", сын дьякона, с которым председатель исполкома "самогон вместе курят". И в Опочке знают про это и молчат. <...> Начальник милиции (по фамилии Пушкин) и помощник его Собцов, и еще Вагин — в Захине — все попались в грабеже по *протоколам* реквизиции мебели, орудий, кожи и разных других предметов. Протоколы сжигались, и всякие следы потом исчезали, а отобранное имущество они перевозили к себе. <...> Вот член политпросвета (Фадеев) по отделу охраны памятников старины, приезжавший для расследования всех "дел" — простой приказчик какой-то лавки, развозивший по домам лимонад и развешивавший селедки, — без зазрения совести пытается что-то внушать, сообщать, назначать подведомых ему "деятелей" наробраза и других отделов для осмотра и подробного дознания. Побывали в Михайловском и нашли все "в отличном порядке". В Тригорском побывать "не успели" и послали вместо себя моего заместителя, Волкова, чтобы воспретить впуск скота в парк. А пускают в парк скот "хозяева", поселенные там коммунисты, которых поселил там не то земотдел, не то исполком. Разбирайте и действуйте!

Я затыкаю уши, закрываю глаза и молчу, но в душе волнуюсь и негодую. Жаль Пушкинского уголка!»

20 мая. Фадеев ездил в Михайловское «и нашел, что "все наврали" про беспорядки: "порубки сделаны *далеко*" (!?)... А ко мне опять приходили сторожа с жалобой на порубку крестьян *из Глазков* (за 5 верст!) и мудро решают: "Так и лесу ничего не останется — все уничтожат!" Везде и всюду вижу теперь эти повырубленные "Михайловские рощи". Не пойду я больше туда — одно мученье!»

своих целей, если само население в лице своих выборных представителей — будет оказывать противодействие. За невозможностью фактически охранять Михайловские рощи от бесконечных порубок, совершаемых и частными и служебными лицами, мне пришлось, скрепя сердце подать заявление в Культпросвет об освобождении меня от обязанности по охране памятников былых вдохновений» (*Тимофеева-Починковская В. В.* Среди памятников былых вдохновений: (письмо из с. Михайловского) // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 17). На посту председателя Тимофееву сменил В. Ф. Волков (см.: *Бурченкова Р. В.* Из истории Пушкинского заповедника 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 2. С. 28—29).

24 мая. На вокзале станции Тригорская Тимофеева встретила группу учениц опочецкой школы 2-й ступени, ездивших на экскурсию в Петроград под руководством «*belle-mère* Никифоровского».[78]

25 мая. Тимофеева пытается разузнать подробности сноса часовни в д. Носово. Местная крестьянка Авдотья подробностей не знает, «говорят, снесли, когда усадьбу разоряли». Писательница отмечает парадоксальность «религиозного духа» народа: «Сегодня, должно быть, так называемое *Преполовение*.[79] День целый в колокола звонят. Вероятно, опять и крестный ход будет. И народу нашло и наехало отовсюду. Ну, а часовню все-таки разберут по кирпичику. Материала там на десятки тысяч. Майолика и мрамор в стенах. Не пощадили ничего — ни чувств, ни трудов, ни денежных жертв бывших "господ", наследников губернатора Шелгунова».[80]

25—26 мая. Экскурсия учителей и учительниц из Пскова. Среди них одна хорошо знакомая Тимофеевой, проживавшая в Михайловском в 1915 г. — Захарова Марья Степановна. Они навели порядок на площадке у памятника поэту и поинтересовались, что за могила некой «Нюни» находится рядом с могилой А. С. Пушкина.[81] Тимофеева пояснила, что никто толком не знает об этом, а все приезжие спрашивают о такой странности.

---

[78] Теща Никифоровского. В ноябре 1914 г. В. М. Никифоровский женился на *Наталье Яковлевне Якименко* (1891—1972). Имя матери жены установить не удалось.

[79] Преполовение Пятидесятницы, Преполовение Господне — христианский праздник, отмечаемый на 25-й день по Пасхе. Отмечается всеми Православными, а также Восточнокатолическими церквями византийского обряда

[80] *Шелгунов Павел Никанорович* (? — <после 1897?>) — минский губернатор в 1864—1868 гг., Могилевский губернатор в 1868—1870 гг., генерал-майор. Друзья и соседи родителей А. С. Пушкина Шелгуновы, владельцы усадьбы Дериглазово, куда после отставки переехал и П. Н. Шелгунов, значительные вклады делали в строительство окрестных церквей и часовен. Так, известно, что в 1869 г. в церкви Воскресения Христова в д. Дериглазово на средства помещика генерала Шелгунова был устроен новый иконостас (см.: Храмы и монастырь Опочецкого уезда Псковской губернии // Псковский паломник. Псков, 2013. Вып. 5. С. 72).

[81] Могила неизвестной. Эта могила упоминалась только в альбоме «Пушкинский уголок» (1899), составители которого писатель В. П. Острогорский и академик В. М. Максимов подробно описали место захоронения Пушкина в монастыре: «Рядом с могилой поэта, слева, ветхая плита с почти стершеюся надписью над могилой деда Пушкина, Осипа Абрамовича Ганнибала. <...> Рядом с Ганнибалом маленький новый каменный крестик с надписью: *Нюня* — умерла 8 июля 1889 г., а за "Нюней", у самого уже обрыва, древняя, совсем покосившаяся плита над бабушкой Пушкина, Марьей Алексеевной» (*Острогорский В. П.* Альбом «Пушкинский уголок». М.: изд. худож. фототипии К. А. Фишер, 1899. С. 100). Помимо этого захоронения рядом с семейным кладбищем Ганнибалов-Пушкиных также находились могилы М. А. Карповой и Шарлотты (Елизаветы) Егоровны Карповой (матери П. Ф. Карпова), появившиеся во время попечительства этого местного земского начальника. Данные сведения взяты из дневника Тимофеевой «Шесть лет в Михайловском» и из 3-го тома послереволюционного дневника.

Вечером, когда Тимофеева пришла к могиле поэта читать им свой реферат «Судьба и гений Пушкина», они показали ей убранный в кусты памятник «Нюни», от которого оставили только табличку рядом.

На следующий день перед отъездом экскурсанты пожелали после вечерни отслужить панихиду: отслужил о. Исаак.

28 мая. У Тимофеевой новая обязанность — читать сказки в Детском саду за обеды, которые здесь получает.

30 мая. Уехали Вяхиревы: «И такое чувство — точно все доброе и хорошее ушло из моей жизни».

2 июня. Тимофеева последние месяцы почти постоянно болеет из-за плохой пищи, сырости и холода в библиотеке. Переписывает статью о «Культуре и памятниках былых вдохновений» для журнала эсперантистов «по религиозным вопросам», «но перо выпадает из рук и глаза закрываются от слабости..... <...>. Под вечер пробралась-таки в лес с книжкой ("Записки Якушкина")[82] — и выздоровела!»

4 июня. Экскурсанты из Павловского института благородных девиц (Петроград) с несколькими преподавателями. По совету Тимофеевой, преподаватели предложили ученицам не участвовать при служении панихиды, но большинство остались: «Все отстояли панихиду у памятника, кроме двух или трех, отошедших в сторону (вероятно — из коммунисток). Преподаватели крестились и опустились на колени при пении "Вечной памяти"».

6 июня. «Постоянная сутолока с этими экскурсиями, мелькание новых, малоинтересных, но неизбежных лиц, все время в толпе, в разговорах, *на людях* — не моя это жизнь». Тимофеева жаждет уединения для спокойной работы.

9 июня. Краткая лития на могиле А. С. Пушкина, экскурсия в Михайловское с докторами из Новоржева и А. Н. Скарлато.[83] Из их разговоров: «Ничего впереди нельзя лучшего ожидать от этих "опытов" на живом теле. Крестьянство не привыкло думать. Интеллигенция слишком разрозненна и, следовательно, слаба»

14 июня. «Праздник Интернационала важнее или *страшнее* здесь воскресенья: *не*празднующие — заподозренные контрреволюционеры».

Тимофеевой встретился поломавшийся в дороге шарабан (бывший ранее у Пальмовых) с «реквизированной» где-то мебелью. По словам крестьянки, «коммунисты теперь поделались господами!»

18 июня. Накануне Троицы. Церковь пустеет: «Народу было мало. Монахи все старенькие, *отживающие* тут свои последние дни. Крестьяне тоже все пожилые».

---

[82] Вероятно, речь идет о третьем издании «Записок И. Д. Якушкина», выпущенном типографией Товарищества «Общественная польза» (М., 1905). «Записки» являются одним из самых интересных и ярких документов по истории восстания декабристов и распространения масонства в русской армии.

[83] *Скарлато Александр Николаевич* (1884 — после 1964) — моряк, судоиспытатель, отец О. А. Скарлато (1920—1994), зоолога и гидробиолога, академика РАН.

«Памятник сверху донизу увешан ветками и венками — приношениями экскурсий. Остановилась, стою — как у *родной* могилы, у милого *прошлого*. <...> Хорошо, что я здесь, возле Пушкина. Тут и умру».

Тимофееву знают все в округе: дети, монахи, крестьяне.

Монахов теснят и разоряют: «учителя, инструкторы и экономы отобрали все, что могли: и сад, и кладовые, и "лишних" коров, и даже колокол, сзывающий на трапезу, хотели отнять пожарные. Монахов (и вообще духовенство) называют "трутнями". Но ведь богослужение, церковные обряды — труд и, может быть, еще более тягостный и тяжелый, чем земледелие и все другие виды и отрасли мускульной работы, особенно теперь, когда из фабричного, рабочего и крестьянина создают что-то вроде кумиров и раболепствуют перед ними, как перед заправскими властелинами всей страны!»

21 июня. Тимофеева «навещала» дорогие ей места: «С тех пор, как побывала в Михайловском, в Тригорском и Вороничe, я точно *выздоровела духом, вернулась в самое себя*. <...> Никаких цветов уже не видать ни на Городище, ни в парке Тригорского. Свиньи нарыли ям под чудными деревами. Один из прудов весь затянуло тиной, как болото. Скамейки все до одной исчезли. Не оставили даже скамьи под знаменитой "Пушкинской" елью».

Тимофеева встретила там Ф. М. Беляева (бывшего лакея) и рассказала ему о сохранившемся портрете Евпраксии Николаевны Вульф, висящем теперь в библиотеке, «он обрадовался чуть не до слез. А потом вспомнил, как разыскивал портрет Софьи Борисовны и нашел только клочья его в избе у какого-то мужика».

«Учитель II ступени Екшурский и "словесница из гдовской II-ой ступени". Объяснения "Пушкинского уголка"...»

А. Т. Смирнов: «На кустарной выставке во Пскове <...> украли сапоги и обрезали выставленные образцы кож. "Что они нас дрязнят, что ли! — говорили на выставке. — Мы разутые ходим, а они сапоги за нас выставляют!"»

«Тихон-убивец (см. выше) разгуливает на свободе с веселым лицом и танцует на вечеринке в Депо. Вообще, по виду — как ни в чем не бывало. И это одобряется некоторыми товарищами из учителей и учительниц. "Что это за угрызения совести? Зачем? Пустяки какие! Не признаю!" — говорит наша кокоринская "суфражистка" (Анастасия Михайловна)».

26 июня. Из разговора Тимофеевой с крестьянкой:

— ...Вы тут главнеющие.

— С чего вы это взяли, милая? Я служу в библиотеке и получаю обыкновенный паек, совсем небольшой.

— Так что же! Все-таки знаем про вас...

Фельшерица Е. Д. Волкович, которая также особо опекала Тимофееву, жалуется, что мужики грубо относятся к медицинскому персоналу, считая врачей «буржуями» и слугами «их величеств» — *народа*!

А они зависят «всецело теперь от подачек и “гостинцев”, — и это называется теперь вместо “жалованья” — “самообложение”».[84]

27 июня. Рассуждение Тимофеевой о судьбах священничества в современных обстоятельствах,[85] она отмечает зависимость многих от собственничества и приходит к выводу: «Монастыри — настоящие, истинные хранители церковных наследий — нужны теперь, может быть, больше, чем прежде. С подвижниками, с обличительной безбоязненной проповедью, с реформацией всего обиходного быта, с поднятием умственной образованности, с чистотой, целомудрием нравов... Нужны *отповеди* верующих на современные рокотанья, глумления и безверие. Нужна *другая совсем религия*».

Общается со слепым монахом о. Владимиром (Дубровским), читает ему свои работы о философе А. А. Козлове и архимандрите Михаиле («Запрещенный апостол»).[86]

1 июля (в записи от 22 июня). «В “девятник” при крестном ходе мне указали девицу в пальто вишневого плюша с тисненным крестом на груди и спине. Очевидно, снято с аналоя или с иерейской ризы».

14 июля. Жизнь «без наслаждения и без надежд. И не вспоминается ни о чем. Много читаю, много говорю. Все на людях, все за едой, ради еды...» Многие ей сочувствуют как «пострадавшей» из Зуева, помогают продуктами или продают дешевле, чем остальным.

«В исполком теперь без самогонки лучше и не ходи. Ничего не добьешься. Сенокосы распределяются за самогон, свинину, масло и яйца. Хлебом завалены — не берут. Сенокосы получают *на мертвые души*, на заведомо убитых, умерших в плену или только что народившихся, новокрещеных младенцев. А у других не хватает на целую семью. <...> С сегодняшнего дня только и слышатся ахи да вздохи за новый железнодорожный тариф: *10 тысяч 800* — до Опочки, *38 тысяч* — до Пскова, *140 тысяч* — до Петрограда... Во Пскове и в Опочке 1 фунт мыла — 17—18 тысяч... Все это похоже на сновидения тифозных больных. <...> Умерщвляется самая *мысль* о движении, сообщении, отнимается вся-

---

[84] В газете «Красный Порхов» была напечатана заметка, с осуждающим заголовком «Обирала», посвященная данной проблеме, где фельдшер представлен как злостный вымогатель, получающий к тому же лишний незаконный паек. Анонимная заметка заканчивается характерным призывом: «Здравотдел, умерь аппетит лекаря, а Продком очнись!» (1920. 1 дек. № 76. С. 2).

[85] В газетах регулярно выходили статьи, где коммунисты изобличали попов не только в «одурачении» народа, но и порочили даже обычные, человеческие потребности священников. Заявлялось, например, что «поп блюдет только интересы своего желудка», комментируя факт сбора местными жителями 83-х пудов ржи для батюшки, который от голода уже не мог служить в своем приходе. Высказывалось сожаление о том, что этот хлеб мог быть передан в пользу Красной армии (Красный Порхов. 1920. 3 нояб. № 68. С. 2). Учитывая такую компрометирующую разноголосицу, Тимофеева приходит к мысли, что на переломе эпох как никогда возрастает роль монастырей как носителей истинной веры.

[86] Воспоминания не опубликованы.

кая надежда на возможность переезда, свидания с близкими, исчезает всякая *перспектива*... <...> Говорят, это — война с спекуляцией *на хлеб*... А на самом деле выходит порабощение всех и каждого...»

26—27 июля. Александр Тимофеевич собирается в Петроград, «надеется поступить в городскую лавку приказчиком, и рассказывает, как это *выгодно*.

— Никогда не бывает провеса. Известно, что гири торговые меньше аптекарских (!). Фунт всегда равняется 3/4 или около того. В остатке ежедневно фунтов 20, которые делятся между всеми торгующими и уносятся домой. Кроме того, ежедневный отпуск по карточкам на отсутствующих — в отъезде или бывших красноармейцев — остается целиком в пользу кооператива и тоже делится между членами. Таким образом, все обеспечены продуктами и живут припеваючи.

— Но ведь это неправильно, — заметила я, — и с этим надо бороться как с общественным злом.

— А куда же девать эти излишки? Если возвращать их в заготконтору, там все равно их раскрадут. Теперь борьба за существование. Всякий спешит урвать где что можно...

Так рассуждает человек, слывущий за "единственно порядочного" во всей слободе. Что же остается сказать о других?

Учителя 2-й ступени (Никифоровский, Русин, Екшурский) работают на покосах с раннего утра. Я им завидую: они *живут*...»

29 июля. *«23 копейки английских равняются 10-ти тысячам советских*. Так пишется теперь наша история. А в раскрытые окна несутся ароматы сжатых полей и лугов и бубенчики свадебных поездов. *Le roi est mort, vive le roi!* Какое дело *жизни* до истории *умершей* России! Жизнь делает свое дело: она творит новую жизнь. <...>

Хочется думать, читать и писать *свое*, а надо идти в Детский сад читать детям сказки. Но я полюбила ребят, и они так мило, по-детски жмутся ко мне и напрашиваются на ласку.

31 июля. «Вот сегодня нашла у себя (в Евангелии) подчеркнутое *еще в 1917 г. в январе*: "Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по *стихиям мира, а не по Христу*. Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно..." Мир стихийный "есть *тень будущего*, а *тело во Христе*. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге"».[87]

Библиографический список

1. *Бурченкова Р. В.* Рождение Заповедника // Псков. 1998. № 9.
2. *Бурченкова Р. В.* Из истории Пушкинского заповедника 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 2.

[87] Из «Послания Святого Апостола Павла к Колосянам»: «Предостережение от увлечения обольщением» (Кол. 2: 8—19; 3: 3).

3. *Кощиенко И. В.* Революционное Михайловское глазами В. В. Тимофеевой // Русская литература. 2017. № 3.
4. *Иванов Е. П., Колосова И. О., Колотилова С. И.* Псковский край в истории России. 2-е изд., испр. и доп. Псков: Изд-во Псковского обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2001.
5. *Острогорский В. П.* Альбом «Пушкинский уголок». М.: Изд. худож. фототипии К. А. Фишер, 1899.
6. Храмы и монастырь Опочецкого уезда Псковской губернии // Псковский паломник. Псков, 2013. Вып. 5.
7. *Тимофеева-Починковская В. В.* Среди памятников былых вдохновений: (письмо из с. Михайловского) // Вестник литературы. 1921. № 12.
8. *Ульянский А. И.* Няня Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
9. *Фролова Л. А.* История пожарного дела Опочецкого уезда // Псков. 2005. № 23.
10. *Богомазов Н. И.* Полк внутренней охраны Петрограда в 1918—1919 гг.: особенности формирования и переход на сторону белых // Вестник СПбГУ. 2011. Вып. 2.